
ОГОНЁК
№ 44 НОЯБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 44 (2209)

1 НОЯБРЯ 1969

Молодому поколению Страны Советов. Хранителям и продолжателям славных революционных традиций. Мужественным, дерзающим, упорным в ученье и труде. Юности ленинской эпохи

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ НОМЕР.

Рабочий Ленинградского станкостроительного объединения Александр Рогозников (его портрет — на первой странице обложки этого номера) и эти парни и девушки живут и работают на легендарной Выборгской стороне города Ленина. Наши молодые современники. Продолжатели революционной юности 1917 года. (О них, об их земляках, их сверстниках см. репортаж «Слушай, Максим!»)

Фото А. Награльяна и Л. Шерстенникова.

В. И. ЛЕНИН:

«БЫТЬ ЧЛЕНАМИ СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ЗНАЧИТ ВЕСТИ ДЕЛО ТАК, ЧТОБЫ ОТДАВАТЬ СВОЮ РАБОТУ, СВОИ СИЛЫ НА ОБЩЕЕ ДЕЛО. ВОТ В ЭТОМ СОСТОИТ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. ТОЛЬКО В ТАКОЙ РАБОТЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЛИ ДЕВУШКА В НАСТОЯЩЕГО КОММУНИСТА».

Интервью «Огонька»

ВЕРНОСТЬ ВЕЛИКИМ ЗАВЕТАМ

Е. ТЯЖЕЛЬНИКОВ,
Первый секретарь ЦК ВЛКСМ

Вопрос. Прошел ровно год с тех памятных дней, когда комсомол в связи со своим полувековым юбилеем был награжден орденом Октябрьской революции. Что нового появилось в работе комсомольских организаций за это время?

Ответ. Принимая высокую награду, комсомол поклялся и впредь быть верным помощником и боевым резервом Коммунистической партии, хранить верность великим ленинским заветам, все свои силы отдавать делу коммунистического строительства.

Высоко оценивая патриотическую деятельность советской молодежи и ее авангарда — комсомола, партия четко определила новые ответственные задачи в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, в повышении роли ВЛКСМ как активной созидательной силы в строительстве коммунистического общества. И весь минувший год комсомол последовательно работал над осуществлением тех задач, которые сформулированы в решениях XXIII съезда КПСС, последующих пленумов ЦК КПСС, в постановлениях ЦК КПСС «О работе Красноярской краевой партийной организации по руководству комсомолом», «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи», в Приветствии ЦК КПСС Ленинскому комсомолу в связи с его пятидесятилетием.

Продолжение — на стр. 4.

ОДНИМ ПУТЕМ— К КОММУНИЗМУ!

По-братски тепло и сердечно принимал советский народ партийно-государственную делегацию Чехословацкой Социалистической Республики во главе с Первым секретарем ЦК КПЧ Густавом Гусаком, находившуюся в нашей стране с официальным дружеским визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства.

Гости из братской Чехословакии совершили поездку по стране, посетили Волгоград, Киев, побывали на космодроме.

27 октября в Кремле завершились советско-чехословацкие переговоры и было подписано Совместное советско-чехословацкое заявление.

Заявление подписали с советской стороны Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

С чехословацкой стороны — Первый секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак, член Президиума ЦК КПЧ, Президент Чехословацкой Социалистической Республики Людвик Свобода, член Президиума ЦК КПЧ, Председатель Федерального правительства ЧССР Олдржих Черник.

Обе стороны единодушно подчеркнули, что визит партийно-государственной делегации ЧССР явился яркой демонстрацией дружбы между Советским Союзом и Чехословацкой Социалистической Республикой.

В тот же день в Кремлевском Дворце съездов состоялся митинг дружбы. Бурными аплодисментами встретили собравшиеся чехословацких гостей, руководителей КПСС и Советского государства.

С речью на митинге выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

«Ничто и никто не может поколебать дружбу и братство, закаленные жизнью и совместной борьбой. Мы шли вместе, идем вместе и вместе будем идти одним путем к нашему общему будущему — к коммунизму!» — эти слова Л. И. Брежнева были встречены продолжительными аплодисментами.

Первый секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак в своей речи сказал, что трудящиеся Чехословакии полны решимости «строить социалистическую Чехословакию как прочное звено социалистического содружества и всесторонне углублять дружеские, товарищеские и братские отношения с первым социалистическим государством — великим Советским Союзом, его Коммунистической партией и советским народом».

В президиуме митинга советско-чехословацкой дружбы.

Фото А. Гостева.

Подписание Совместного советско-чехословацкого заявления.

Фото А. Устинова.

Начало на стр. 1.

ВЕРНОСТЬ ВЕЛИКИМ ЗАВЕТАМ

В речи на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев обратился к комсомолу, вступавшему в свое второе пятидесятилетие, с ярким, незабываемым напутствием: «Веди за собой молодежь Страны Советов на труд и на подвиг под знаменем партии Ленина во имя коммунизма, во имя счастливого будущего всего человечества!»

Партия всегда проявляла огромную заботу о молодом поколении, о его идейном, нравственном росте, мужании, всестороннем развитии, всегда рассматривала воспитание молодежи как важнейшее общепартийное, общегосударственное дело, от которого зависит настоящее и будущее развитие нашего общества. И год прошедший является еще одним наглядным примером всесторонней заботы партийных организаций о воспитании достойной смены старшим поколениям строителей коммунизма. На пленумах, заседаниях бюро, совещаниях актива ЦК компартий союзных республик, обкомов, крайкомов партии были специально рассмотрены вопросы партийного руководства комсомолом, улучшения воспитания молодежи. Коммунисты высказали много ценных предложений по дальнейшему подъему всей работы среди молодежи, повышению боевитости каждой комсомольской организации. Комсомол, руководствуясь указаниями партии, разработал и осуществляет меры, обеспечивающие повышение роли и ответственности всех комсомольских организаций в хозяйственном, культурном, государственном строительстве.

Благодаря заботе партийных комитетов возросло партийное ядро в ВЛКСМ. Ныне непосредственно в комсомольских организациях работают десятки тысяч молодых коммунистов. Они являются образцом для комсомольцев в выполнении общественного долга, в отношении к труду, соблюдении правил социалистического общежития.

Сейчас в комсомольских организациях проходят отчеты и выборы. Анализируя деятельность выборных органов, комсомольцы главное внимание обращают на то, как выполняются юбилейные обязательства, насколько умело и по-деловому комитеты ВЛКСМ мобилизуют молодежь на осуществление планов партии. Отчеты и выборы в ВЛКСМ проходят под знаком всенародной подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Мы рассматриваем их как отчет перед партией и народом о том, что сделано, рассматриваем как важный этап в развитии политической и трудовой активности молодого поколения в связи с подготовкой к историческому юбилею.

Хотелось бы отметить, что в году, о котором идет речь, значительно окрепли связи комсомола с Советами депутатов трудящихся. В соответствии с постановлением ЦК КПСС в Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных и автономных республик, местных Советах депутатов трудящихся созданы комиссии по делам молодежи. Ныне в стране действует свыше 10 тысяч таких комиссий, в их работе участвует более 65 тысяч депутатов. В ходе последних выборов в местные Советы депутатов трудящихся избрано почти полмиллиона молодых депутатов в возрасте до 29 лет. Это — свидетельство огромного доверия комсомолу, веры партии в молодое поколение. Только за последнее время приняты важные решения правительства по проблемам труда, образования, досуга молодого поколения. Местные Советы депутатов трудящихся контролируют выполнение трудового законодательства о молодежи, закона о всеобуче, создают широкие возможности для развития трудовой активности молодых граждан, для овладения достижениями культуры, для дальнейшего развития физкультуры и спорта.

Тесное сотрудничество установилось у комсомола с профсоюзными организациями, творческими союзами, многими министерствами и ведомствами.

Продолжая славные традиции старших поколений, комсомол, советская молодежь успешно и самоотверженно трудятся на всех участках коммунистического строительства. Биографию комсомола невозможно представить без эпопеи Братска, Сумгаита, Красноярской ГЭС, железной дороги Абакан — Тайшет, без десятков других ударных строек. Самоотверженным трудом вписывают комсомольцы 60-х годов новые страницы в летопись ВЛКСМ. И одной из самых значительных страниц этой летописи станет участие комсомольцев и молодежи в научно-технической революции.

Обращаясь к участникам торжественного пленума ЦК ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мы должны исходить из того, что успешное выполнение наших экономических планов немыслимо без использования новейших научно-технических открытий в нашем народном хозяйстве». Бурный рост современной науки и техники, достижения химии, физики, биологии открывают перед пытливым молодым умом новые горизонты. Выполняя наказ партии, комсомольцы заводов и фабрик выступают застрельщиками нового, передового. Широкую поддержку по всей стране получили почин молодежи Уралмашзавода, взявшей шефство над внедрением новой техники и передовой технологии, начинание горьковских комсомольцев под девизом: «Ни одного отстающего рядом!», создание отрядов технического творчества молодежи.

Сельские комсомольцы в трудных климатических условиях нынешнего года поистине самоотверженно трудятся над завершением уборки урожая, над подготовкой к зиме. Задачи комсомольских организаций по дальнейшему подъему сельского хозяйства четко определены в решениях октябрьского (1968) Пленума ЦК КПСС. Участвуя в их осуществлении, комсомол взял шефство над химизацией и механизацией сельскохозяйственного производства, над мелиорацией.

Вопрос. Весь советский народ, все прогрессивное человечество готовятся к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Как встречает этот знаменательный юбилей Ленинский комсомол!

Ответ. Подготовка к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина стала для комсомола боевым смотром его сил, верности партии и народу, идеалам коммунизма. Вот уже сорок пять лет комсомол с гордостью носит имя великого вождя. В. И. Ленин стоял у истоков комсомола, он раскрыл в своих работах — и прежде всего в речи на III съезде РКСМ — содержание, методы работы Коммунистического союза молодежи; конкретно показал, что он должен делать в качестве помощника Коммунистической партии; определил роль и место молодежи в строительстве коммунистического общества.

Под воздействием бессмертных ленинских идей выросли миллионы строителей нового общества. И каждое новое поколение молодежи, вступая в жизнь, вновь и вновь обращается к ленинскому теоретическому наследию, обретая в нем верный компас жизни и борьбы. Сейчас практически каждый молодой человек изучает труды В. И. Ленина — в системе партийного и комсомольского политического просвещения, в вузах, школах, самостоятельно.

Большим событием в жизни комсомола является Всесоюзный Ленинский зачет комсомольцев и молодежи. Ленинский зачет — это отчет каждого комсомольца, всего молодого поколения о том, как выполняются заветы В. И. Ленина. Сейчас заканчивается третий этап Ленинского зачета — его итоги в большинстве комсомольских организаций подводились к 51-й годовщине ВЛКСМ. Они показали, что Ленинский зачет способствовал росту трудовой и политической активности молодежи. Комсомольцы рассматривают его как свой самый главный в жизни экзамен — экзамен на идейную зрелость, готовность к подвигу, преданность партии и народу. Помните прекрасные строки Маяковского: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше». В ходе Ленинского зачета каждый комсомолец поверяет свои дела, мысли, поступки самой высокой мерой — ленинскими идеями.

Не так давно в ЦК ВЛКСМ встретились молодые Герои Социалистического Труда, кавалеры ордена Ленина, лауреаты Ленинской премии. «Как лучше, достойнее встретить великий юбилей?» — вот главная тема их коллективного разговора. Знатные молодые люди страны обратились ко всей молодежи с призывом превратить каждый предъюбилейный день в день ударной ленинской работы. Их призыв нашел широкую поддержку у молодых строителей коммунизма. Сегодня весь комсомол, все 25 миллионов членов ВЛКСМ — на предъюбилейной вахте!

На каждой из 108 ударных комсомольских строек к юбилею будут сданы важные объекты. Как почетное доверие рассматривают комсомольцы шефство над созданием мемориальных комплексов в Ульяновске и Шушенском. Ленинскому юбилею посвящены походы молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, ударный труд Всесоюзного студенческого отряда, многие смотры, конкурсы, в которых с энтузиазмом участвуют миллионы молодых людей.

Все комсомольские организации развернули широкое предъюбилейное соревнование молодежи. Радует, что подготовка к знаменательному событию способствует дальнейшему повышению роли комсомольских организаций в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, в выполнении предначертаний партии. Идет коллективный поиск эффективных форм и методов работы с молодежью; очевидно стремление каждой организации активизировать свою деятельность.

Перед нынешним молодым поколением стоят ответственные задачи. Нет для комсомола долга почетней, чем воспитывать молодое поколение своей страны настоящими коммунистами, достойными продолжателями дела великого Ленина. А для этого, учит партия, наша молодежь должна быть не только сознательной, образованной, она должна крепить сплоченность своих рядов, свою организацию.

Руководствуясь указаниями международного Совещания коммунистических и рабочих партий, комсомол в международном молодежном движении последовательно борется за сплоченность и единство всех сил молодого поколения планеты, выступающих за мир, социальный прогресс, против империализма и неоколониализма. Вместе с советской молодежью к юбилею В. И. Ленина активно готовятся миллионы молодых людей на всех континентах.

Советская молодежь преисполнена революционного энтузиазма, несокрушимой уверенности в торжестве коммунистических идей. И ярким свидетельством того, что она последовательно осуществляет заветы В. И. Ленина, являются коммунистическая убежденность, трудолюбие, жажда знаний, горячее желание овладевать передовой культурой, расширять свой кругозор — черты, воспитанные в молодом поколении нашей партией.

На страницах этого номера «Огонька» рассказывается о замечательных трудовых делах советской молодежи, о ее лучших представителях, о том, как молодое поколение на заводах и стройках, в научных лабораториях и вузовских аудиториях выполняет завет В. И. Ленина, наказ партии — учиться коммунизму. Несомненно, читатель с интересом познакомится с этими материалами, дающими представление о том, как живет, трудится, учится наша молодежь.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДОВЕРИЕ И СЕРДЕЧНОСТЬ

Валентин АЛЕКСЕЕВ

Эти две категории вместе с другими чертами дружбы определяют нынешнее состояние советских отношений с Чехословакией. Собственно говоря, и прежде так было. Закончившийся на днях визит в Советский Союз партийно-государственной делегации во главе с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком, прошедшие в Москве переговоры подтвердили с полной ясностью, что братские отношения Советского Союза и Чехословакии представляют ценное достояние народов и коммунистических партий обеих стран, помогают им в труде и борьбе.

Братство социалистических отношений не складывается само собой, даже если возраст родственных связей народов, вступивших на путь социализма, исчисляется столетиями. Традиционная близость служит важным, но не определяющим фактором, который обеспечивает претворение принципов социалистического интернационализма в реальность. Главное, что формирует международные отношения социалистического типа,— это целенаправленная деятельность коммунистических партий, правящих партий стран социализма, их деятельность во имя сближения народов, во имя стирания всех противоречий, культивировавшихся классовым обществом. Без такой деятельности разъедающая работа националистических пережитков, подогреваемая враждебными социализму внешними силами, может подточить и такие отношения, которые, казалось бы, ничто не должно осложнять.

Итоги визита в Советский Союз делегации ЧССР еще раз подчеркивают, какое значение КПЧ и КПСС придают укреплению связей между своими странами, между всеми участниками социалистического содружества. Нацеливая свои усилия на укрепление сотрудничества, на достижение полного взаимопонимания, на воспитание интернационалистических чувств, КПЧ и КПСС исходят из той объективной истины, что социализм как система международных отношений, как строй, призванный заменить капитализм в мировом масштабе, создается международными, объединенными усилиями коммунистов.

В этом разделенном по классовому признаку мире социалистические страны могут стоять лишь по одну сторону разграничительной линии, которая проходит через все зоны общественной жизни — экономику, политику, идеологию.

Таким образом, строя свои социалистические международные отношения, Советский Союз и Чехословакия учитывают законы общественного развития в их глобальном понимании. Как это подтвердили итоги визита в нашу страну партийно-государственной делегации ЧССР, социалистические страны представляют не простую совокупность близких в той или иной мере друг другу государств, а органическую международную систему, где каждая часть тем успешнее движется вперед, чем лучше дела у всех вместе.

Не случайно на московских переговорах было уделено особое внимание сотрудничеству в таких отраслях, как машиностроение, энергетика, химия, электроника, производство оборудования для атомных электростанций, создание вычислительной техники, то есть речь шла о развитии международного социалистического разделения труда в таких производственных вопросах, которые во многом предопределяют прогрессивные изменения в экономической структуре стран.

Советско-чехословацкие отношения прошли через суровые испытания. Находились силы, пытавшиеся ослабить или разрушить братские связи, выкованные совместной борьбой за социализм народов Советского Союза и Чехословакии. Пленумы Центрального Комитета КПЧ, проходившие в апреле, мае, сентябре этого года, не только дали квалификацию этим силам как антисоциалистическим, но и четко определили пути избавления партии и страны от их влияния. Решения этих пленумов ЦК, огромная организаторская работа чехословацких коммунистов во всех звеньях общественной и государственной жизни позволили утвердить страну в русле социалистического развития и оградить отношения Чехословакии с братскими странами от атак реакции.

Прошедшие в Москве переговоры, принятое на них Совместное советско-чехословацкое заявление, безусловно, ознаменовали значительный шаг в развитии дружбы, традиционно соединявшей наши народы. Подытоживая результаты визита в Советский Союз чехословацкой делегации, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил, что этот визит способствовал укреплению чувства доверия, взаимопонимания между нашими коммунистическими партиями, правительствами и народами.

Отношения между компартиями составляют основу взаимодействия и сотрудничества социалистических народов. Без искренности, без доверия между коммунистами немыслимо идти одной дорогой, а история своими революционными сдвигами уже ясно определила единый путь развития наших стран — это путь социализма и коммунизма. Народы Советского Союза и Чехословакии идут по этому пути вместе, и их доверие друг к другу делает преодолимыми любые преграды и трудности, которые могут встретиться и наверняка встретятся в таком новом и сложном деле, как переустройство жизни на социалистический лад.

ТАКОЙ ЧЕЛОВЕК

Таких людей мало. Рабочий, коммунист, государственный деятель, литератор. Я знаю его много лет. Темой первого нашего разговора была критика К. Марксом философии Прудона. Мы встречались много, и всякий раз я удивлялся: столько знать, сколько знает он, выполнять такое количество дел, которое выполняет он, просто невозможно. Хватит по меньшей мере на пятерых. Такой человек.

Каждый раз я не удерживаюсь от вопроса: «Виктор Васильевич, как же можно все это успеть?» А он неизменно отвечает: «Так сложилась жизнь».

Почти сорок лет он работает на одном и том же заводе — на московском «Красном пролетарии», и специальность все одна и та же — слесарь-сборщик. Завод, конечно, за это время изменился неузнаваемо, да и слесари нынче совсем не те. Когда-то Виктор Васильевич собирал первые советские ДИПы, теперь — самой высокой точности станки, которые весь мир знает, многие страны стараются заполучить себе. Сборка таких машин давно уже не ремесло, а своего рода слесарное искусство. К такому слесарю инженеры и конструкторы прибегают за консультацией. И академики в Комитете по Ленинским премиям в области науки и техники всегда с интересом выслушивают мнение своего коллеги по комитету — слесаря с «Красного пролетария».

В последний раз я пришел к нему за статьей для «Огонька». Хозяин дома собирался в отпуск. Отдыхать? Как бы не так! Работать.

— Вот надо дописать книгу.— И показал толстую пачку листков бумаги, исписанных мелким почерком.

Книга будет автобиографическая. О гражданской войне и пятилетках, о своем заводе. О жизни... Виктору Васильевичу сегодня уже шестьдесят. Об этой жизни и расскажет книга. На обложке, вероятно, напечатают: В. Ермилов, слесарь-сборщик. Возможно, добавят: Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

О. КУПРИН

Фото А. Награльяна.

●

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Памяти Джафара Джабарлы

Недавно в нашей стране широко отмечалось 70-летие со дня рождения замечательного азербайджанского поэта, прозаика, драматурга Джафара Джабарлы. На юбилейном вечере в Москве, посвященном этой дате, поэт С. Васильев прочитал свое стихотворение.

В осеннем небе трубы журавлей.
Летят в обратный путь.
Курлы...
Курлы...
А я в печальной комнате своей
сижу вдвоем с Джафаром Джабарлы.
Сижу,
над книгой голову склоня,
то улыбнусь,
то хмурюсь в свой черед.
Что ни страница —
мысль пленит меня,
что ни строка —
живое чувство жжет.
Не знаю, ветер, что ли, виноват
иль поздних листьев желтая печать...
Но грустно мне, что рано умер брат,
и не хочу об этом я молчать.
Как мало прожил славный Джабарлы
и как,
однако,
много сделать смог!
Слова, как зерна, четки и круглы,
язык упруг,
прекрасен строгий слог.
Как мало прожил!
Только тридцать пять!
В шагу времен, наверно, миг один...
Вот взять бы
да вернуть его опять
в обратный путь, как журавлиный клин.

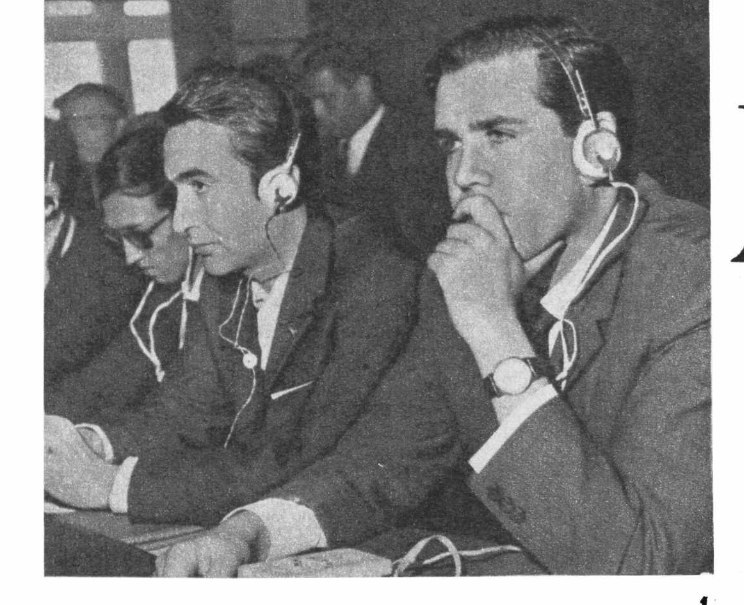

«Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

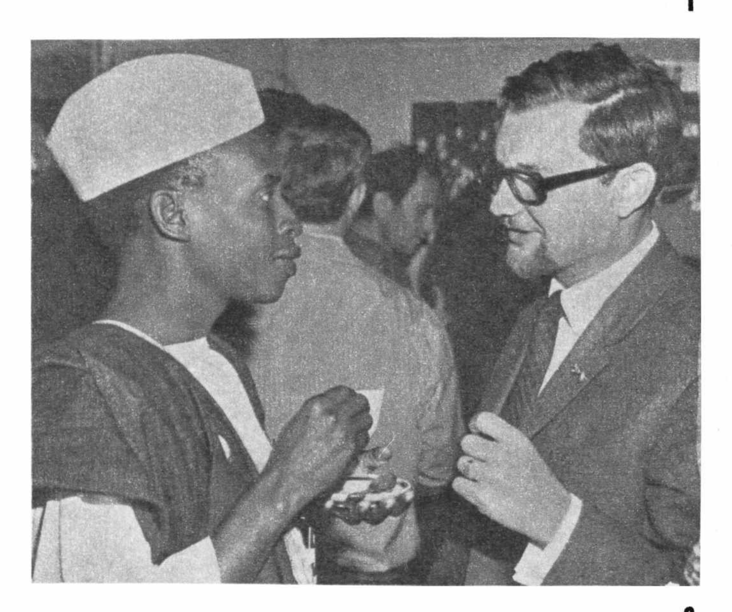
Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты».

В. И. ЛЕНИН.

МЫ-ИНТЕРНА

1

2

3

Мгновения жизни проносятся неудержимым потоком. Но самые памятные из них, уходя, оставляют след в нашем сердце, в помыслах наших и делах. Я смотрю на фотографию. Шел паренек по тихим музейным залам и остановился. Ленин... Фотокамера выхватила эту встречу из потока жизни и понесла людям: смотрите, какие же глубокие перемены пережил мир за минувшую половину столетия, если паренек из далекой Уганды приехал учиться в Ленинград! Спросите у него, у Натана Бверере, что такое пролетарский интернационализм, и он ответит вам: «Это мой институт. Это мои советские друзья».

Мгновения жизни проносятся неудержимым потоком... Помните, как это начиналось? Октябрь 1918 года. В Москву со всех концов молодой Страны Советов съехались 195 юношей и девушек, чтобы создать передовой отряд молодежи — комсомол.

«Мы интернационалисты,— с первых же шагов объявили миру комсомольцы.— Мы — за установление тесных связей между организациями юных пролетариев различных стран!»

Так это начиналось. А ныне?

«Мы интернационалисты»,— говорят внуки первых комсомольцев. Тысяча триста молодежных и студенческих организаций из ста двадцати стран мира — вот какие дружеские связи у комсомола сегодня! Фестивали дружбы, лагеря солидарности и добровольного труда, научно-теоретические конференции и семинары молодых ученых мира — все это наши будни, наша жизнь. И все, чем мы живем, все свершения наши и жизнь комсомола связаны с заветами Ильича, с его именем.

«Ленин и современный мир». На этот международный молодежный семинар собрались минувшим летом представители 92 стран. Замер карандаш над исписанной страницей. Юноша прильнул к наушникам: «Ну что там медлит переводчик?» (снимок № 1). А иногда семинар работал вот так, стоя, за чашкой кофе... (2).

«Мы интернационалисты»,— говорят внуки тех молодых советских добровольцев, которые сражались за свободу республиканской Испании. И в делах внуков живы сегодня традиции дедов.

«Мы интернационалисты»,— повторяют дети тех, кто отвагой и мужеством своим в дни второй мировой войны спас народы Европы от фашистского рабства. И в делах детей живы сегодня традиции отцов. Пролетарский интернационализм для них не громкая фраза, не лозунг. Это конкретные дела, участники которых они сами. Одни из них, вот как эти, совсем обыкновенные советские парни, работали на стройках Алжира. Это к ним были обращены слова представителя Союза демократической молодежи Сирии, побывавшего на юбилее комсомола в нашей стране: «Строительство городов и электростанций в арабских странах связано с именем Ленинского комсомола. Большое спасибо вам, друзья!» (3).

Другие, как этот светловолосый молодой инженер В. Мельничук, искали нефть для Пакистана вместе с первыми пакистанскими операторами сейсмической станции (4). Третьи, в Бирме, помогали местным специалистам составлять почвенную карту страны, строили в Индии металлургический завод, в Афганистане сооружали Джелалабадскую ирригационную систему или отправлялись, как молодой врач Олег Александров (5), в далекую Камбоджу спасать людей от болезней и смерти. Спросите у него, у этого русского парня, что такое пролетарский интернационализм, и он расскажет о госпитале кхмеро-советской дружбы, где работал вместе со своим камбоджийским другом Хон Па.

4

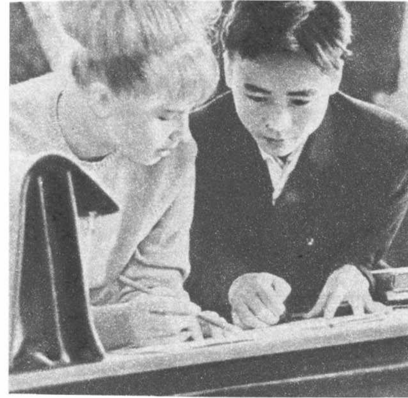
5

ЦИОНАЛИСТЫ

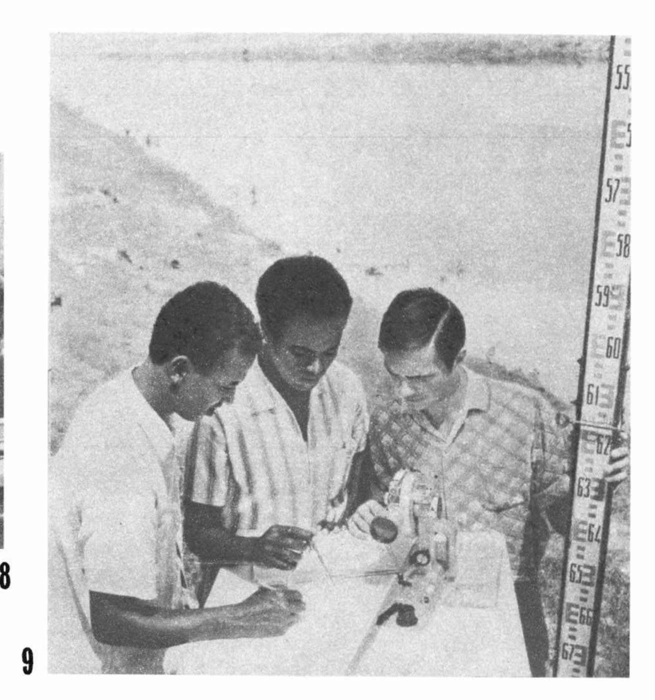
МЫ — ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

6

8

9

7

10

11

Да, новое поколение переняло веру дедов и отцов, их воодушевление, их верность интернациональному долгу. И когда над миром собираются тяжелые тучи войны, когда в застенки палачи свободы бросают патриотов, когда, размахивая знаменами со свастикой, маршируют неофашисты, они, эти молодые ребята, не знавшие ни войны, ни ужасов фашизма, выходят на улицы с лозунгами протеста. «Прекратить агрессию Израиля против арабских стран!» «Долой хунту!» (6). «Нет» войне во Вьетнаме».

Вьетнам, далекий и близкий... Пожалуй, нет в нашей стране такого завода, института или школы, где бы молодые руки не потрудились на субботнике или воскреснике в помощь героям Вьетнама. Субботники, дни солидарности, трудовые вахты, шефство над досрочным выпуском промышленных заказов для Вьетнама. Мы с тобой, Вьетнам, далекий и близкий!

Реет над красными пилотками пионерское знамя. Ветер треплет флаги в ребячьих ладонях. Пионеры Новороссийска вышли в море на катерах проводить теплоход «Березовка». Два корабля, «Березовка» и «Монтугай», с грузом свыше ста тысяч комплектов одежды и школьных принадлежностей на полтора миллиона рублей снарядили для вьетнамских детей советские ребята, участники движения «Пионеры СССР — Вьетнаму» (7). Ле Ван Тьау вместе с Наташей Иванушкиной учится решать задачи по высшей математике (8). Но придет срок, и студент Московского автодорожного института Ле Ван Тьау — один из трех тысяч вьетнамских ребят, что учатся сегодня в нашей стране,— вернется на родину с дипломом советского вуза.

А сколько же их, советских дипломов, сегодня путешествует по планете! Я встречала их в Токио, Гаване, Варшаве... В разные стороны уведут жизненные тропы тех, кто, как Наташа и Ван, вместе решал трудные задачки. Или бродил вдоль берегов русских рек в дни практики, как эти трое из Ново-Каховского сельскохозяйственного техникума (9): Мохамуд Идрис Мохамед, Абдурахман Махамед Сек и Иван Артеменко. Все они навсегда запомнят именно эти дни, потому что самые памятные мгновения нашей жизни, уходя, непременно оставляют свой след в нашем сердце.

«Да, мы советские, мы интернационалисты!» — с гордостью говорят они, советские юноши и девушки, сегодня миру. Мы — против войны и атомного оружия, против насилия и расовой дискриминации, мы — против всех реакционных сил империализма. Мы хотим, чтобы мир был спокойный, чтобы люди жили счастливо и радостно. Солидарность — вот самое сильное наше оружие. Оно — в сплетенных ладонях участников второй Недели дружбы молодежи СССР и ОАР (10)... В боевых знаменах, обагренных кровью многих героев, что приняли они от отцов своих.

Они приносят клятву сегодня быть достойными этих знамен и выполняют ее рука об руку со своими братьями из социалистических стран в дни совместных учений войск и флотов стран — участниц Варшавского договора (11). И нет на земле такой силы, которая могла бы их заставить изменить этой клятве.

Новелла ЦВЕТКОВА

Фото АПН и Н. Рясина.

Ю. Пименов. СВАДЬБА НА ЗАВТРАШНЕЙ УЛИЦЕ.

Т. Яблонская.
УТРО.

В СЕМЬЕ РОДНОЙ, В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ!

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Знамя комсомола

В светлый день о награде узнавши,
мы как будто парим на крылах,
новым орденом признано наше
соучастье в великих делах.
Вот оно колыхнулось над нами,
алый шелк заструился, зацвел,—
с огневыми на нем орденами,
вижу знамя твое, комсомол!
Омываясь волной грозовою,
мы немедленно сорваны с мест:
этим стягом Островский и Зоя
комсомольский приветствуют съезд.
Каждый нерв, словно током, ударен, —
в этом зале, где ширится гул,
так и кажется: Юрий Гагарин
незабвенной улыбкой блеснул...
Что ни орден, то новая веха
для крылатого племени тех,
кто побед золотые полвека
по достоинству делит на всех.
На земле и в космическом быте
высшей доблести школа из школ,
на твоей светоносной орбите
славлю племя твое, комсомол!

Воронеж.

Юсуф ШАМАНСУР

ПОДАРОК

С почтеньем трое входят в дом,
В кремлевский кабинет.
И тихо говорят о нем:
Он примет или нет?
Скрестили руки на груди,
Застыли ходоки мои...
Как передать привет земли,
Дыханье Сыр-Дарьи
И все, что будет впереди,
Товарищи мои?
Как выразить степей наказ
И кишлаков поклон?
И вдруг — прищур знакомых глаз,
Ильич навстречу,
Он!
Стоит в потертом пиджаке
И с карандашиком в руке...
Заговорили обо всем,—
Он в жизни знает толк.
И знает, как теперь живем,
Про хлопок и про шелк.
Про женщин —
Душит их чадра!
Про дочек —
В школу им пора!..

Бушует ветер —
Знать, к дождю.
Дрожит под ветром рама...
И дарят ходоки вождю
Халат из бекасама[1].
— Прими наш дар,
Соткал народ,
Из радуги халат...
И на плечах вождя цветут
И степь моя и сад.

...С тех пор минуло много лет,
Но в памяти упрямо
Встает тот день и кабинет,
Ильич,
На Ильиче надет
Халат из бекасама.
Я слышу Ильича наказ
Тебе, Узбекистан,
Прищур знакомых вижу глаз,
И на плечах вождя цветет
Твой полдень — бекасам!

Перевел с узбекского
Александр БОГУЧАРОВ.

[1] Полосатый, пестрый холст.

Олег ОРАЧ

Полуденное

В тонах лиловых с легкой синевою,
В рододендронах, тишиной звеня,
Врастает сопка в марево седое,
В недвижный зной расплавленного дня.
Над сопкой сокол, как стрела из лука,
Вдруг прочертит безоблачный простор.
А вслед ему земли спокойный взор,
Задумчивый...
Ни шелеста,
Ни звука.

Лишь чешуей в траве блеснет змея,
Орел летит в бездонье голубое
За горизонт, в притихшие края,
Земля и небо, солнце золотое,
И автомат в руках моих,
И я,
И рядом ты — Отечество родное.

Перевел с украинского
Юрий САЕНКО.

г. Донецк.

Людмила МИГДАЛОВА

Саяны

Как выразить, Саяны, вас словами,
как рассказать, как вы в мороз сияли
и светло-синий лес, как дым от пороха,
сползал на красноярскую платформу?
Она бежала, летняя, нагая,
отсвечивала синими ногами,
не замечая, что заря распята,
все поезда звала, звала куда-то.
Теснились к ней эвенки и саами,
и воздыхали тихие буряты,

но видела она свои Саяны,
и были все Саянами объяты.
А поезд мой уходит от Саян
к незнаемому ими океану,
и так протяжно жить в груди словам,
и так все в мире сем непостоянно.
...И где-то в сердце, среди старых ран,
на красном берегу слепой Каялы
наперекор всем копьям и ветрам
стоят и ждут меня
Саяны.

Акуштап БАКТЫГЕРЕЕВА

Пожелания

Человек,
тебе по сердцу гордость,
смелым будь и мужественным будь!
Так поток, летящий с кручи горной,
сам себе прокладывает путь.
Проходя года и расстоянья,
свет зажженный не гаси зазря.
Пусть тебя немеркнущим сияньем
осенит весенняя заря.
Пусть в тебе не иссякают силы,
пусть неведом будет плен обид.
Кто перед судьбой сгибает спину,
тот в беде души не сохранит.

Перевела с казахского
Т. КУЗОВЛЕВА.

Микуль ШУЛЬГИН

Благодарность

Я родился под пение вьюги
пред войною в хантыйской семье.
Древних кедров мохнатые руки
в годы детства тянулись ко мне.
Ты, Россия, склонялась, как мама,
над простой колыбелью моей,
а потом изучал я упрямо
речь лесов и язык букварей.
Научив меня думать о главном,
понапрасну не тратить минут,
как родного, хантыйского парня,
ты меня привела в институт.
Чтоб не жил я в неверии горьком,
чтобы стала светлее печаль,
позвала меня к Ленинским Горкам
и открыла мне дверь Ильича!
Я обязан России, России
тем, что люди вокруг хороши,
всем, что в мире светло и красиво,
и любовью и силой души...
...Обниму под Москвою березку
и, раздвинув рассветную тьму,
я земли твоей теплую горстку
к благодарному сердцу прижму.

Перевел с хантыйского
Сергей МНАЦАКАНЯН.

ПРОСПЕКТЫ НАЧИНАЮТСЯ С ТРОПИНОК

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ОГОНЬКА» В КОМСОМОЛЬСКЕ-НА-АМУРЕ. За ним собрались комсомольцы 60-х годов, чьим трудом сейчас славен город, и комсомольцы годов 30-х, первостроители, с которых начиналась его слава. И каждый отвечал только на один вопрос «Огонька»: какой день вашей жизни особенно запомнился!

Секретарь Комсомольского-на-Амуре горкома ВЛКСМ Виктор КУРЛОВИЧ:

— Каждый твой шаг, каждое твое дело, каким бы маленьким оно ни казалось, имеет свою историю и свое будущее.

Она сидела за столом и тихо, растроганно улыбалась. А мы все не знали, что делать и что говорить, и только смотрели на руки ее, на орден Ленина, приколотый к жакету.

— Наверно, подумаете, что хвалюсь, будто Комсомольск в тридцатых годах строила и распоряжалась целой бригадой мужчин.

— Ну, уж это вы зря, Валентина Семеновна,— выпалил сталевар Саша Кружаев.— Какая ж похвальба, когда с вашей мартеновской печи завод, можно сказать, начался...

Да, так было. Три года единственная на стройке бригада мужчин с бригадиром-женщиной Валентиной Демениной во главе соревновалась за почетное право пробить летку и выдать первую плавку. Три года этого права добивался каждый строитель Комсомольска-на-Амуре. А шел уже грозный 42-й, далеко на западе горели наши города, и каждый день кто-то из бригады Дemениной надевал серую шинель и ехал туда, на запад. Тяжесть работы ложилась на остающихся. Как работали? Нормально работали, так же, как тысячи других в тот трудный для страны час. Бригада соорудила нефтеотстойник за 5 суток вместо месяца, и этот факт был отмечен в сводке Совинформбюро после вестей с фронта: бригада Валентины Дemениной выполнила план на 500 процентов. А когда понадобилось, «бригада на все руки», как ее окрестили комсомольцы, в полном составе занялась «живописью»: красила цех, готовя его к торжеству. А оно вот подошло незаметно...

— Расскажу вам, дорогие мои,— частит энергичной скороговоркой Валентина Семеновна,— о дожде, который случился студеным февральским днем, в тридцатиградусный мороз. Это незабываемо. Весь город собрался тогда на митинг. Приехали представители из краевого центра, из самой Москвы, командующий войсками дальневосточными тоже приехал. Всем хотелось посмотреть, какой она будет, эта первая комсомольская сталь. В цеху холод лютый, люди в шапках, телогрейках. Канавщики уже суетятся, изложницы готовят. А тут и платформа с черным зевастым ковшом выползает, и нам говорят: пора. Ивану Чопорову, Ивану Рохлину, Ивану Эккерту и мне дают в руки длинный такой ломик с ручкой на конце, и мы резко бьем им в тонкую перегородку, за которой — сталь. Наша первая сталь! Вдруг сразу солнце в глаза, и огненная река, и салют красных искр. Народ, конечно, в восторге, шапки вверх летят. И вдруг на непокрытые головы наши неожиданно полился теплый летний дождь. Мне показалось, что это жар нашей радости растопил снег, скопившийся на фермах. Сколько видела я потом плавок, но лучше этой, первой, никогда не было. И тут подходит ко мне сам командующий. Разглядел меня, удивился — как же такая пигалица мужиками управляет. Я, помню, обиделась даже... А потом командующий подарил мне свои часы... Да. И вскоре попала я на Ленинградский фронт. Возила подарки бойцам. Там я увидела свой танк, да, да, именно свой: на броне надпись — «Танк построили комсомольцы из стали «Амурстали». Мне показалось, что это самый красивый, самый крепкий, самый лучший танк... В блокадном Ленинграде я видела, как умирают на улицах люди, видела станки и целые заводы под открытым небом. И заводы эти работали! И поняла я тут: все, что мы делали,— это капля в море, и несравнимы наши трудности с лишениями ленин-

градцев... И должны мы делать больше, намного больше...

— Да, Валентина Семеновна, именно с вашей мартеновской печи завод начался,— продолжает разговор Саша Кружаев, мастер мартеновского цеха, один из первых, кто награжден почетным знаком ВЛКСМ.— Вы сами знаете, какой он сейчас красавец, «Амурсталь». И печь ваша жива, и вас мы не забываем. Строим вот 4-й мартен, цех термообработки, пускаем громадный прокатный стан-1700, установку непрерывной разливки стали. Но это так, к слову. Я хочу рассказать вам тоже о плавке — потому что о чем же еще говорить сталевару. Ведь часами можно смотреть, как клокочет сталь в печи, и никогда это не надоест: каждая плавка непохожа на предыдущую. Лучшая из моих та, юбилейная, когда страна плавила сотый миллион тонн стали. Вахта была ночной. Я уже завалку печи вел, как вдруг звонит секретарь парткома и сообщает, что нашей смене доверено провести юбилейную плавку. Не могу объяснить вам, почему, но всё в ту ночь у нас здорово получалось. Вдохновение такое нашло, праздничное. И не устали ничуть. Плавку выдали за час до конца смены, в семь утра, и только тогда сообразили: мы же по времени опередили всех, всю страну. Наши тонны первые в этом сотом миллионе. В Москве-то еще ночь часов, юбилейный день только начинается...

— ...Зашла в класс. Шепот: строгая? А какая я, строгая ли, добрая, и сама еще не знаю, на первый свой урок пришла,— вспоминает Наталья Драгункина, учительница химии школы № 18.— Смотрят на меня десятки глаз, а я — на них с не меньшим любопытством. Говорю, а сама потихоньку наблюдаю. Равнодушных вроде нет. Понимаю, химия в школе может быть и не самым любимым предметом, и из моего класса, допустим, не выйдет ни одного Менделеева. Но разве в этом главное? Моя забота — чтобы не было в классе равнодушия. Волновалась, конечно, страшно. За 45 минут не улыбнулась, кажется, ни разу. И вот уже утвердительный шепот: строгая... Но урок, по-моему, удался. Вот почему на всю жизнь запомню я это первое сентября, этот первый урок и этот шепот...

Секретарь комитета ВЛКСМ завода имени Ленинского комсомола, депутат горсовета Евгений Андрусенко внешне похож на знаменитого инженера Братскгэсстроя Марчука, того самого, который «играет на гитаре». А говорил он вот о чем:

— Ярким летним днем на территории завода появилась странная процессия. Впереди парни несли большую зеленую елку. В одном из них я узнал бригадира комсомольско-молодежной бригады Чепезубова. Остальные шли сзади и отвечали на расспросы любопытных: «Новый год идем встречать!» Им не верили, думали — розыгрыш. Но встреча Нового года действительно состоялась летним днем. Потому что бригада Чепезубова опередила время и работает уже в счет будущего. И я радовался вместе с ними, хоть и не работаю в той бригаде. Ведь это мой родной завод, и радость друзей — моя радость.

— ...Писатель к нам приехал! — встретили меня у дверей библиотеки дети с горящими от радости глазенками,— рассказывала библиотекарь Галина Федоренко.— После отпуска я пришла и не знала еще, что приехала писательница Галина Михайловна Кожевина. Она немного запоздала, ее долго не отпускали рабочие какого-то завода, и оказалась она женщиной немолодой и совсем седой. Начала говорить и как-то сразу всех увлекла. Я слушала буквально раскрыв рот и думала, что эта встреча навсегда останется в памяти. А вот почему, надо рассказать подробней. В 17 лет по поручению райкома комсомола Галина Кожевина организовала на реке Ольхе, под Иркутском, пионерлагерь. Кроме нее, была еще повариха баба Маня. А время было смутное: в окрестностях шастало кулачье и недобитые бандиты. Дети одни, под руководством, в сущности, девчонки, сами построили лагерь и проявили удивительную самостоятельность. А когда кончилось лето, решили написать о своей жизни книгу. Заводилой была, конечно, пионервожатая. И вот в 1933 году появляется первая в мире коллективная книга, написанная детьми. Называлась — «База курносых»... Сейчас она стала библиографической редкостью.

Юные авторы отослали первый экземпляр Максиму Горькому и стали ждать ответа. Ответ пришел: Прочитал. Интересно очень. Вскоре, как положено, прислали за их труд гонорар, по понятиям ребят, деньги огромные. Специальный совет решал, что с ними делать, и определил — ехать всем сообща на край света. Краем света постановили считать загадочный тогда Кавказ.

Где-то на полпути «огромные деньги» кончились, и ребята надолго застряли на какой-то маленькой станции. Напрасно Галина Михайловна просила помощи и объясняла, что они написали книгу и едут на Кавказ. Над ними смеялись. Помог случай. На последние деньги они купили себе рыбы и завернули в газету «Известия». А когда развернули, то увидели на странице свою коллективную фотографию и статью Горького «Мальчики и девочки», в которой он писал об их книге. Радости не было предела. С краем света решили повременить и отправиться в Москву, к Горькому. Тут им наконец поверили и помогли.

Горький их встретил радушно и пригласил на Первый съезд писателей, который как раз тогда открылся. Коллектив авторов тоже решил там выступить и написал целую речь. Галина Михайловна дала ее выучить самой маленькой девчушке Альке. И вот Алька, ни при каких обстоятельствах не робевшая, вдруг растерялась: уж больно солидные люди в зале сидели. Взобралась она на стул и по привычке крикнула: «Ребята!» Писатели засмеялись, захлопали в ладоши. Их, наверное, редко так называли. А потом ребята прожили целых две недели у Горького и позже написали еще одну книгу — «В гостях у Максима Горького».

И вот, когда Галина Михайловна Кожевина рассказала все это и обратилась к нашим ребятам с просьбой помочь написать еще одну книгу, надо было видеть их лица, их восторг, их радость. После ее рассказа и свой город как-то заново увидели. А называться новая книга будет «Гори, костер». Ее напишут ребята всей Советской страны, и одна глава расскажет о пионерах нашего Комсомольска-на-Амуре.

...Инженер станции космической связи «Орбита» Валерия Смирнова воскресила в памяти не такие уж давние дни, когда весь Комсомольск сидел у телевизоров и ждал первой передачи из Москвы через космос. Но для инженеров «Орбиты» этот день наступил несколько раньше — 13 октября 1967 года.

— Мы навели чашу антенны на заданную точку и стали ждать, уверяя друг друга, что все будет в порядке. И тут диктор говорит: «Дорогие товарищи, сейчас мы будем демонстрировать для вас фильм «Летопись полувека. Год 1917-й». Это было так неожиданно и просто, что я даже растерялась... не поверила. Разве это не исторический день?

И снова слово берет один из первостроителей легендарного города на Амуре, Михаил Максимович Скляренко:

— Сижу я тут с вами, друзья, за «круглым столом», и кажется мне, что юность моя вернулась. Хорошие вы ребята, честное слово, и приятно слышать, что не роняете марку города, который мы начинали строить. На месте «Амурстали» тогда шумела дальневосточная тайга, а там, где улица Ленина,— петляла тропинка. Мы корчевали тайгу, строили дома, рубили во льду канал для зимнего сплава леса. Это были дни, каждый из которых врезался в память на всю жизнь. Но и сегодняшний день нашей встречи я тоже запомню: ведь мы мечтали о прекрасном городе, а жизнь обогнала нашу мечту.

— А помните, Михаил Максимович, день празднования 35-летнего юбилея города? — подхватил секретарь горкома ВЛКСМ Виктор Курлович.— Тогда тут собрались лучшие люди страны. В тот день я особенно остро ощутил связь поколений, почувствовал, что лучшие традиции живут и множатся. По соседству с Комсомольском растут новые города — Солнечный, дающий стране самое дешевое олово, и Амурск с его огромным целлюлозно-бумажным комбинатом. Их ведь тоже построили молодые. Когда-то вам не хватало станков, не было кранов. Теперь Комсомольск сам шлет свои изделия за границу. Напрасно думают некоторые, что Комсомольск давно уже построен и делать тут больше нечего. К нам и теперь едут молодые со всех концов страны. И правильно поступают: каждому найдется здесь и дело по душе и тропинка, которую нужно превратить в проспект. Комсомольск продолжается! Каждый твой шаг, каждое твое дело, каким бы маленьким оно ни казалось, имеет свою историю и свое будущее...

Беседу за «круглым столом» записал специальный корреспондент «Огонька» Ю. ЛУШИН.

Фазу **АЛИЕВА**

Вся моя нежность вам —
Растущим моим сыновьям.
Нежность моя не взвешена
Никем, никогда и нигде.
Нежность моя замешена
На счастье и на беде,—
Медом цветочным облитая
От гордости сладкой за вас,
Обгорелою коркой покрытая
От горького страха за вас.
Нежность моя —
Птица вешняя,
Песни поющая вам
Про то, что на свете — вечное,
А что — только дань годам.
Нежность моя —
Это бережный,
Оберегающий взор.
Нежность моя —
Это бешеный
Ручей, сбегающий с гор.
Хочу,
Чтоб волной поющею
Нежность моя втекла
В души ваши растущие,
В растущие ваши тела.
Но нежность моя взыскательна.
И если ручьем она
Втекает,
То в вас обязательно
Рекой она стать должна,
Рекой,
Со своей дорогою,
С испытанным руслом своим,
Рекой,
Обещающей многое
Привольным волнам морским.
Нежность моя —
Она связана
С горами с давнишних пор
И в ваших сердцах обязана
Стать постоянством гор.
Должны мои птицы нежности,
Свив гнезда в сердцах у вас,
О солнечной петь безбрежности
Не только в весенний час.
Неисчислимое множество
Песен известно им:
И об осенних художествах,
И о суровости зим,
И про вершины горные,
И про ущелий дно,—
Про чистое
И про гордое
Песни им петь дано.
Про дальнее
И про близкое
Пусть пропоют для всех!
Нежность моя материнская —
Ваша улыбка и смех,
Мужество,
Озаренное
Мужеством наших дней,
Тропиночка,
Проторенная
К раскрытым дверям друзей.
Но нежность моя
Суровая,
И если грянет война,
Она,
Как пуля свинцовая,
В руках ваших быть должна.
Дорогой,
Отцами пройденной,
Пройдете вы в грозный час,
Поскольку превыше Родины
Нежности нет у вас.
Вся ее нежность вам —
Растущим ее сыновьям.

Перевела с аварского Инна **ЛИСНЯНСКАЯ**.

Ю. КРИВОНОСОВ

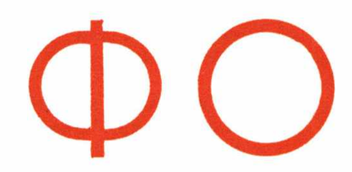

Фото автора
и героев репортажа.

Есть на земле такой народ — митхатяне. По переписи их насчитывается около трех с половиной тысяч. «Место жительства» — Москва, Малая Пироговка. Основная черта характера — оптимизм. Главный девиз: «Люди не железо — не ломаются!» Образ жизни — подвижно-усидчивый. Одна из заслуг митхатян перед человечеством — вывели формулу радости. Вывели в стихах, но можно ее выразить и графически. Есть, правда, в этом деле закавыка—незавершенность: в формулу можно вводить великое множество новых элементов. А еще митхатян отличает интереснейшая особенность: все они представители одной профессии—химики.

Словом, речь идет о студентах, аспирантах и молодых ученых Московского института тонкой химической технологии имени М. В. Ломоносова.

Но уж коли мы упомянули формулу, давайте рассмотрим, как расшифровываются некоторые ее элементы.

Приобщение к науке. Начинается оно с посвящения в студенты. Но мира входящему нет — его взрывает Асмодей, жгут греческим огнем древние эллины, загоняют в бутылку древние индусы и причащает философским камнем (он же кирпич) Алхимик, и уже потом, когда пройдены огни,

Саша Калинкин увлекся чеканкой.

←
На ступенях науки.

Студент Игорь ПРУТКИН:

— Чтобы время работало на нас, надо работать на него.

В дебрях химии.

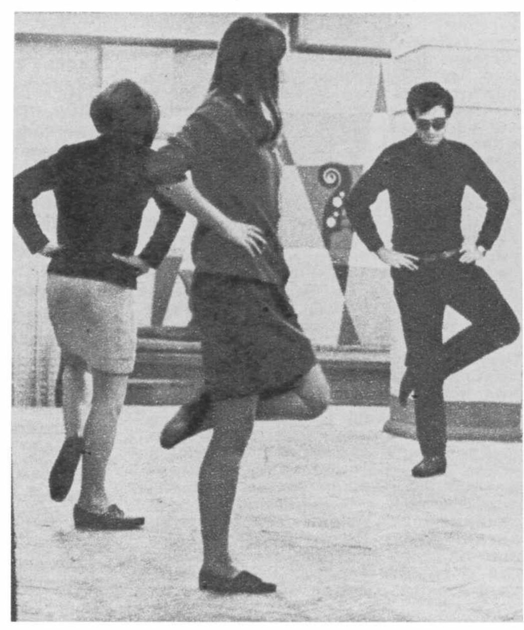
РМУЛА РАДОСТИ

Из летнего альбома.

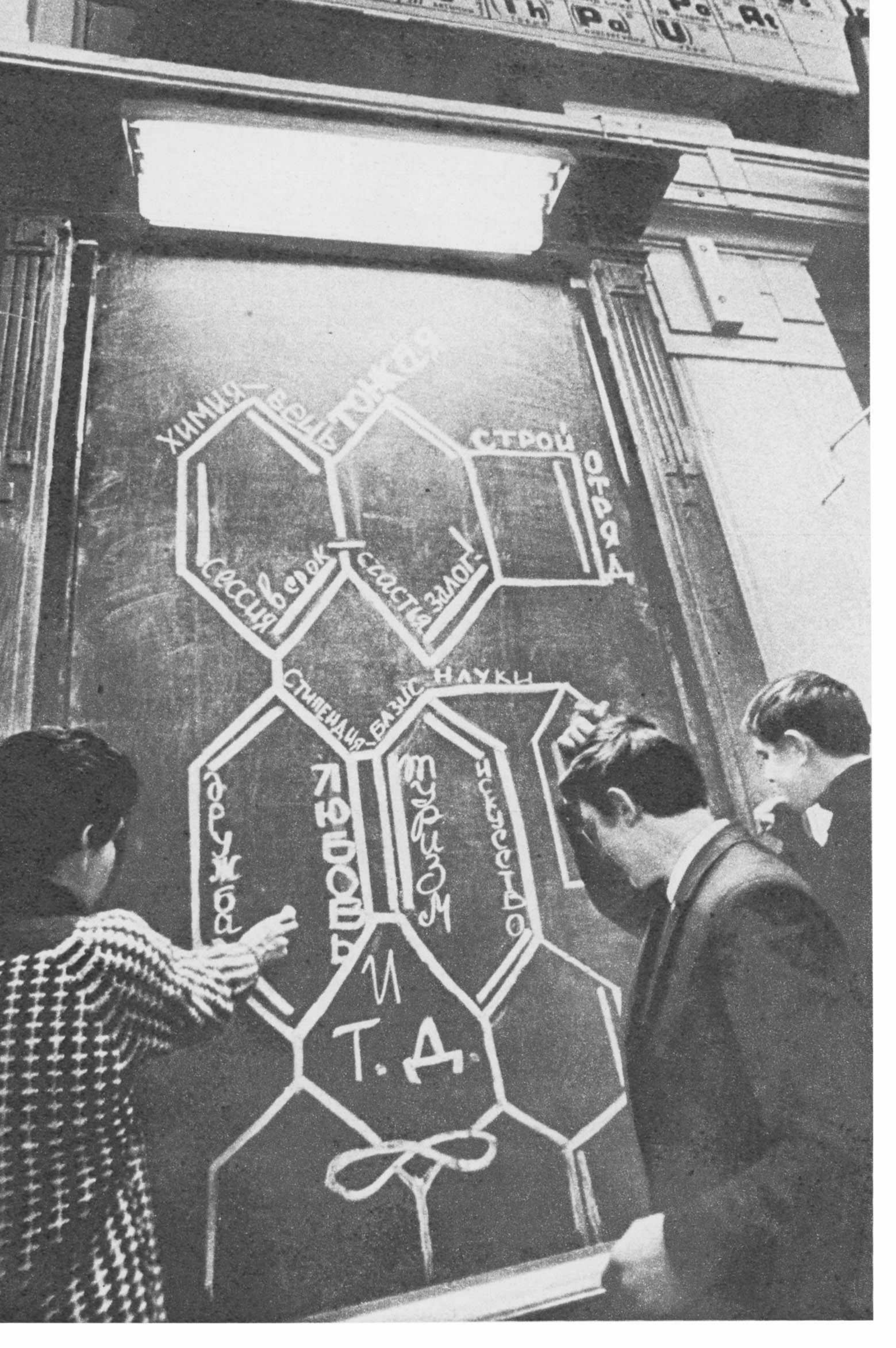

Учитель танцев из Болгарии Григор Бояджийски. Он же студент пятого курса.

А как по-твоему?..

Формула радости.

и воды, и медные трубы, посвящаемого впускает в свой храм Чистая Химия. По ее приказу первокурсники получают из рук выпускников эстафетную палочку — огромную пробирку, в которой запечатано наставление. Звучит клятва.

«Клянусь! В течение своей короткой и яркой жизни в институте соблюдать периодический закон Менделеева и кончить институт чего бы это мне ни стоило. Обещаю быть: строгим, как запрет Паули; тонким, как химическая технология; простым, как квантовая физика... не лить кислоту в карман соседу, не поднимать бурю в пробирке. Клянусь!»

Вот теперь «входящий» стал студентом. А студенческая жизнь невозможна без такого элемента радости, как

ДРУЖБА. Пришел в ренторат первокурсник, отлично сдавший вступительные экзамены, посвященный и даже отработавший на «синтезе углеводов», то бишь на уборке картошки, и сказал такие слова: «Хочу забрать документы!» «Почему?» Парень смущенно ответил: «Дома, на селе, остались родители, инвалиды... Не успел я всякие хозяйственные дела для них сделать. А зима у нас суровая и на душе неспокойно...» И тут сразу же ударил в набат комитет комсомола, снарядил отряд добровольцев, и за три дня ребята со всем управились. Учится теперь тот парень!

Митхатяне — народ единый, но многонациональный: тут встретишь представителей всех наших республик, да и иностранную молодежь из восемнадцати стран — болгары, вьетнамцы, венгры, поляки, немцы, югославы, кубинцы, индийцы... Много ребят из освободившихся стран Африки. Создали Совет дружбы, который возглавил аспирант из Ирака.

Завет дружбы митхатяне строго блюдут и по окончании института: выпускник Анатолий Кузнецов уехал в Индию, на Бхилайский комбинат,— там были очень нужны переводчики с инженерным образованием. Анатолий хорошо знал английский. Потом вернулся в аспирантуру. Но проучился только год и сделал перерыв — отправился в Алжир, в город Бумердес, преподавать химию в африканском учебном центре: молодой республике требовались специалисты. Пришлось осилить еще французский. Центр только создавался, и Анатолий вместе с другими преподавателями и будущими студентами оборудовал его — чистили, мыли, таскали мебель... Через два года митхатянин вернулся, окончил аспирантуру, защитил диссертацию и... снова в Алжир.

Аспирантура, конечно, вышла долгая, но его это не огорчает. «Зато каких ребят мы там выучили! Готовили техников, а они уже инженерные должности занимают!»

Сейчас Анатолий Кузнецов преподает в родном институте. Он же и председатель художественного совета, но об этом потом, потому что главное в формуле радости, вероятно, все-таки

Познание. Ибо, как сказал Ломоносов:

— Велика сердцу скорбь
лишиться чтенья книг,
Скучнее вечной тьмы,
тяжелее вериг!

Но не книгой единой жив студент. В институте одних лабораторий не счесть, и такие есть приборы и установки, что нигде больше не найдешь,— в единственном экземпляре. Одним словом, передний край науки. Не просто ученья, а именно науки. Для подтверждения этого тезиса попробуем ввести в формулу кое-какие цифры.

Научной работой занимаются в плановом порядке девятьсот студентов. Плюс триста энтузиастов — так сказать, сверх плана. Ученые института печатают ежегодно 230—240 научных работ. Студенты выступают соавторами в сорока процентах из них. Только студенту здесь не дают стать чистым теоретиком — а ну-ка, подтверди свои выводы экспериментом. Подтвердил? Синтезировал? А зачем синтезировал? Говоришь, будет экономический эффект? Докажи! Разработай технологию да проект установки и защити свой курсовой инженерный проект на заводе, пусть тебя специалисты пощупают, что ты за химик. Защитил? Вот теперь молодец!

Не сам, конечно, студент все это делает — с помощью научных руководителей, у которых метода разная, а принцип один — возиться с каждым, чтобы не потерял вкус к делу и шел успешно вперед. Принцип весьма результативный и порождает нечто вроде цепной реакции.

Только один пример — конечно, типичный и с небольшим экскурсом в историю.

Тридцать три года назад пришел в институт после МВТУ Сергей Васильевич Львов. Окончил здесь аспирантуру, защитил кандидатскую, потом докторскую. Стал профессором, ныне руководит кафедрой. Был у него ученик Леонид Антонович Серафимов, ныне тоже доктор и тоже профессор. Читал как-то профессор Львов лекцию на одном заводе. Услышал его молодой паренек Валера Береговых, загорелся и поступил в институт. Сейчас он аспирантом у Серафимова, а сам руководит дипломниками. Дипломники же помогают третьекурсникам, те, в свою очередь, возятся с первокурсниками. Вот ведь какая цепочка образуется. Может, потому и не получает институт «рекламаций» на своих выпускников, а? И три четверти митхатян забирают научно-исследовательские институты и Академия наук.

Но как ни важно познание, оно лишь один из элементов формулы радости, рядом с ним всегда стоит

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА. Содержание ее весьма обширное и разнообразное. Однако прежде чем о нем рассказать, нужно объяснить, что такое «дырка», без которой митхатяне не мыслят своего существования. «Дырка» — это обнесенное перилами прямоугольное отверстие в зале второго этажа, откуда виден первый. «На дырке» назначаются встречи, здесь же всегда можно узнать свежие новости — и изустно и в объявлениях. Тут рождаются многие идеи, воплощаемые в жизнь деятелями-общественниками. Так что, видимо, не случайно комитет комсомола расположен возле самой «дырки» — по коридору первая дверь. В комитете тишины не бывает, в некоторые часы там буквально не протолкнешься. Секретарь институтского комитета, уже знакомый нам Валера Береговых, как ткацкий челнок, снует в переплетении студенческих вопросов, идей и предложений, превращая весь этот галдеж в пеструю, но прочную ткань общественной жизни. Не один он, конечно, комитет состоит из девятнадцати человек — комсомольцев более трех тысяч. Потому и масштабы соответствующие — площадь стенгазет нужно мерить чуть ли не гектарами, тушь и краски расходуются литрами, а тут еще первокурсник Саша Калинкин увлекся чеканкой, так потребует, небось, тонны металла.

Химик, он ведь, как и физик,— лирик. Ему обязательно надо, чтоб глаз радовался — в лабораториях и кабинетах торчат из мензурок, колб и прочей химической посуды букеты цветов и кисти рябины. На стене рядом с моделью молекулы можно увидеть картинку с пингвинами, а на вытяжном шкафу нарисован муравей — символ трудолюбия. Митхатяне — народ агрессивный, стремятся заполучить в царство Химии побольше новых подданных. С этой целью устремились они во многие школы, где читают лекции о своем институте, устраивают у себя дни открытых дверей и хлопочут о создании рабфака. Делается все это серьезно, но весело.

И веселье, оказывается, можно изготовлять поточным методом. Занимается этим производством так называемый Творческий штаб, или, попросту говоря, группа неутомимых выдумщиков.

Главный закоперщик здесь, пожалуй, второкурсник Игорь Пруткин — поэт, артист, музыкант, юморист-сатирик и комсорг лучшей на факультете группы. Не пойму, как он успевает еще при этом хорошо учиться,— ведь живет за городом.

Спросил его об этом. Он пожал плечами и ответил:

— Чтобы время работало на нас, надо работать на него.

...Институту тесно. Скоро для него будет строиться на Юго-Западе целый новый комплекс. Архитекторам поставили условие — чтобы была «дырка»! Пока у митхатян даже клуба нет, а самодеятельность ждать не желает. Коллективов много — вокальный, эстрадный и прочие, среди которых и ансамбль современного танца «Сердика» (древнее название Софии). Я было удивился такому названию, но потом узнал, что основатель и руководитель ансамбля — студент из Болгарии Григор Бояджийски.

Ну и, конечно, нельзя не упомянуть о туризме, потому что это «хобби» всего института. Выходят в походы сотнями. И молодые и пожилые. Может быть, потому здесь так часто мелькают на пиджаках и куртках значки мастеров и кандидатов в мастера спорта. Кстати, туризм тоже введен в формулу радости. И еще там значится самый нежный элемент:

Любовь. Ну, в эту область мы вторгаться не станем, хотя студенты настаивают, что это один из главных элементов формулы радости... Но, пожалуй, пора и остановиться, ведь формулу, как уже было сказано, можно развивать до бесконечности.

СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

Генеральный секретарь Всевенгерского союза студентов Йожеф ГОМБАР:

— Студенчество может приобрести опыт политической борьбы только у самого передового класса — класса рабочих.

В четырех моих блокнотах записаны беседы с парнями из Судана и Мозамбика, Бельгии и Цейлона, Венгрии и Алжира, Греции и Польши и многих других стран. Это рассказы студентов о своих организациях, о трудностях и победах, о проблемах, которые волнуют юность шестидесятых годов XX века.

В конце лета в Риге проходили Четвертые международные летние студенческие курсы, созванные по инициативе студенческого совета СССР. Девиз симпозиума, в котором участвовали представители 62 студенческих организаций,— «Ленин, наука, образование и общественный прогресс».

С генеральным секретарем Всевенгерского союза студентов Йожефом Гомбаром мы сидим в уютном кафе Латвийского государственного университета.

— Разговоры о том, что завоевания студенчества — не политический вопрос, есть буржуазный треп,— говорит Йожеф.— В последнее время появилось немало теоретиков, которые пытаются представить студенческое движение как запертое в стенах аудиторий, в рамках академических проблем. Чушь! Ерунда! Важно понять другое: студенчество может приобрести опыт политической борьбы только у самого передового класса — класса рабочих.

Об этом же говорили многие мои собеседники. И недаром буржуазные политики, социологи, церковники с некоторым удивлением и не без тревоги указывают на прогрессирующий процесс «политизации» студенчества. Буржуазия готова простить студентам университетскую игру в мелкую политику, не выходящую за рамки требований расширения академических свобод и реформы образования. Но в последнее время студенческие выступления приобретают антиимпериалистическую окраску. И происходит это как раз тогда, когда студенты выступают плечом к плечу с рабочими.

Клод Жандэн, представитель Союза студентов-коммунистов Франции, придерживается той же точки зрения.

— Борьбу студентов,— говорит он,— нельзя отделять от классовой борьбы во Франции. В первых рядах этой борьбы стоит рабочий класс, руководимый нашей коммунистической партией.

— Студенческое движение в Бельгии,— рассказывает Серж Беелен,— является частью общенародного движения. Мы выступаем против пребывания штаб-квартиры НАТО на территории нашей страны. Но никогда студенческое движение не сумеет развиваться без поддержки широких масс народа. Дети трудящихся не смогут получить доступ к духовным ценностям без поддержки со стороны рабочих.

Эти признания, конечно, не очень-то отвечают «глубокому убеждению» западных социологов, будто современной молодежи чужды политические интересы.

— Тактика буржуазного социолога Герберта Маркузе и его коллег,— говорит мне представитель Союза студентов Танзании Шери Таки,— равноценна идеологическому разоружению молодежи и студентов. С этой тактикой надо бороться. Мы призываем государство использовать наши таланты, энтузиазм и знания для дела построения новой жизни. А это значит, что студенческое движение должно черпать ответы на все свои вопросы в марксистской идеологии. Мы за социализм и уверены в том, что марксизм-ленинизм может и должен быть идейным оружием африканских народов. Задача молодых — распространить это революционное учение и соединить теорию с практикой. В рождающемся рабочем классе мы видим своего союзника. Вот кто наш истинный друг.

...Они и в зале заседаний сидели вместе — трое парней из Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Биссау. Словно символизируя единый фронт борьбы против португальских колонизаторов. Я не могу назвать сейчас имена этих ребят — им еще предстоит долгий и нелегкий путь на родину. В разгар дискуссии один из них поднялся на трибуну и сказал, что делегат Гвинеи-Биссау просит разрешить ему выступить вне очереди. «Наш товарищ,— просто сказал он,— завтра уезжает на фронт».

Оратор говорил о том, что, несмотря на террор, народы Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Биссау одерживают победы. Начинается партизанское движение на островах Зеленого Мыса. У молодых людей трех африканских стран сейчас одна цель — борьба за независимость. Об этом они хотят говорить везде, об этом они говорили и в Риге, призывая представителей молодежи мира через свои организации вести борьбу против помощи стран НАТО Португалии.

В один из вечеров у меня в номере гостиницы собрались ребята из студенческих организаций некоторых арабских стран, представленных на семинаре: Сирии, Ливана, Ирака, Судана, Иордании, Алжира, Народной Республики Южного Йемена. Разговор затянулся далеко за полночь. Каждый рассказывал о молодежном движении в своей стране, о формах и методах борьбы, об успехах и неудачах. Много проблем стоит сейчас на Ближнем Востоке. И главная из них — продолжающаяся израильская агрессия. Для арабских народов вопросы борьбы с агрессией и сионизмом неотделимы от борьбы с международным империализмом и реакцией.

— До 1963 года,— рассказывает представитель Национального союза студентов Сирии Мухаммед аль-Вади,— наша студенческая организация находилась в подполье. Главной ее задачей была борьба против ненавистного строя. И сейчас мы не только учимся. Наша страна находится под постоянной угрозой войны. Студенческие отряды помогают рабочим на предприятиях. Летом все студенты работают на стройках или в деревне и в то же время ведут агитационную работу среди феллахов, рассказывают о борьбе с агрессорами. Кроме того, все мы учимся военному делу. Многие товарищи ушли в армию.

Говорит представитель Национального союза студентов Иордании Хасанейн Хусейн:

— Израильская агрессия изменила направление нашей деятельности. Острие борьбы направлено сейчас против агрессоров, оккупирующих наши лучшие земли, изгоняющих иорданцев с родных мест. Советско-иорданскую дружбу мы, студенты, рассматриваем как один из важнейших факторов нашей победы.

В беседу вступает Абу аль-Шафи, член исполкома Союза суданской молодежи:

— После революции 25 мая 1969 года и установления прогрессивного режима в Судане перед молодежью страны стоят многочисленные и необычайно сложные задачи. Экономическое положение Судана тяжелое: практически приходится начинать с нуля. Чтобы создать в стране демократический фронт, нужно произвести радикальную социальную перестройку.

Недавно состоялась встреча представителей правительства и студентов Хартумского университета. У социалистической, коммунистической молодежи одна программа — поддержка прогрессивного режима. И во время этой встречи студенты заявили, что будут подавлять любые контрреволюционные выступления сторонников реакционных партий.

...К сожалению, изложить здесь все рассказы моих друзей невозможно. Все мы были единодушны в том, что продолжающаяся агрессия Израиля, новые происки империализма и сионизма заставляют молодежь теснее сплотить ряды вместе с рабочим классом, крестьянством, передовой интеллигенцией своих стран, прогрессивными людьми всего мира.

В Риге я беседовал с генеральным секретарем Международного союза студентов Мехди.

— Содержание студенческого движения — общедемократическое,— сказал он,— поэтому студенты должны выступать в едином строю со всеми трудящимися и прежде всего в тесном союзе с рабочим классом.

От имени МСС и себя лично,— добавил Мехди,— я хотел бы через «Огонек» выразить наше восхищение советскими студентами, строящими коммунизм в своей стране, настоящими друзьями молодежи всего мира.

В. ПЕРЕСАДА,
студент факультета журналистики МГИМО,
специальный корреспондент «Огонька»

Студенты из арабских стран на рижских студенческих курсах.
Фото Г. Санько.

О. КУПРИН,
К. ЧЕРЕВКОВ

Слушай, Максим!

Рабочая Выборгская сторона стала и научной и студенческой. Дела здесь вершатся нешуточные. Мы побывали в Научно-исследовательском институте постоянного тока. В лаборатории шли испытания: в миниатюре воссоздавались процессы, которые будут происходить на громадных пространствах лет через пять на линии передачи постоянного тока Экибастуз — Центр. Линий подобного типа всего восемь в мире, две из них у нас в стране. Та, что живет пока в макете, будет самой мощной и самой длинной на нашей планете, и решит она вопрос большой государственной важности. Сейчас у колыбели будущего электрического моста разгадывают сотни загадок, открывают десятки не открытых доселе тайн парни в белых халатах, вчерашние студенты, почти мальчишки. И руководит ими молодой инженер Валерий Форсилов. У них есть знания, и энтузиазм, и уверенность. Эх, привести бы сюда Максима! Того Максима, который жил на Выборгской стороне. Привести и сказать: «Можешь гордиться ими, Максим. Они продолжают твое дело. И как продолжают! С честью, с гордостью, достойно».

Очень разные люди составляют многомиллионную массу, именуемую одним словом — «молодежь». Но есть в них одна общая черта: они не мыслят своей жизни без труда, без учебы. Узнать то, чего не знаю, постигнуть то, чего не постиг!

Труд, труд, учеба. Можно подумать, что каждый из них мечтает стать академиком. Нет, дело не в званиях и степенях, не в жажде славы. Это первейшая потребность — узнавать, проникать в глубины мастерства, профессии, в глубины науки, осваивать богатство человеческой культуры.

Жизнь не бывает без трудностей.

Тяжелое детство было у Виктора Черняева, фрезеровщика машиностроительного объединения имени К. Маркса. Погиб отец, умерла мать. У истока его личных несчастий и личных бед — наша общая беда и общая боль: война. Так в судьбу человека входит судьба страны, даже в судьбу молодого — та ее страница, которая считается уже историей. А потому совсем не удивительно, что проблемы, волнующие одного, опять-таки молодого человека, на поверку оказываются весьма актуальными. Он говорил нам о призвании:

— Призвание человека — это государственное достояние. Человек, работающий там, где может проявить все свои способности, принесет больше пользы государству и народу.

Ты слышишь, Максим, что волнует этого рабочего парня? Как принести больше пользы государству и народу... Тому государству, которое ты начинал строить, тому народу, за счастье которого ты дрался на баррикадах. Столько надо сделать! Столько увидеть и узнать! Достичь того, к чему стремишься.

Мы не встретили среди наших новых знакомых ни одного пессимиста.

В чем причина? Не в том ли, что судьба страны и ее социальный характер определяют судьбу и характер ее граждан? Мы говорили: общая беда и общая боль — война. Но ведь есть и общие радости и общие победы. И общая уверенность в успехе. Когда социологи спросили у молодых: верите ли вы в осуществление своих жизненных планов? — подавляющее большинство ответило утвердительно. Потом был задан вопрос: что подкрепляет эту вашу уверенность? Первые два места заняли два ответа: «Уверенность в своих силах» и «Возможности, которые предоставляет наше общество». Третьим призером был такой ответ: «Поддержка друзей». У современной молодежи есть верные друзья, какие были у тебя, Максим.

У Тани Соломахиной, монтажницы объединения электронного машиностроения «Светлана», мы спросили: кому было адресовано ее последнее письмо?

— Любе Тотевой в Софию. Люба — моя старая подруга. Я с нею познакомилась, когда училась еще в пятом классе. Люба приезжала в Ленинград с детским софийским хором. С тех пор мы и переписываемся.

Такая география дружбы у ленинградской монтажницы.

Кончился рабочий день. На улицах многолюдно. Идет осенний дождь. В темно-сером небе яркие красные буквы: «Максим». В современном кинотеатре — декада художественных фильмов Германской Демократической Республики. Это уже география дружбы Выборгской стороны.

...Монтажница Таня Соломахина в вагоне электрички — она живет за городом — раскрывает книгу. Когда-то, чуть ли не в первом классе школы, учительница прочла рассказ о героине гражданской войны. Имя совпадало — тоже Татьяна. И фамилия была очень похожа на ее фамилию — Соломаха. Потом из других книг узнала, что в Соломаху была влюблена Зоя Космодемьянская и потому, наверное, назвалась фашистам Таней, что думала в то время о Соломахе, сравнивала себя с нею, хотела быть похожей на нее.

— И я часто думаю: могла бы я быть такой же, как Таня и Зоя? Мне кажется, что смогла бы.

С завода «Светлана» мы возвращались молча, и каждый из нас думал о том, что сказала нам эта девушка.

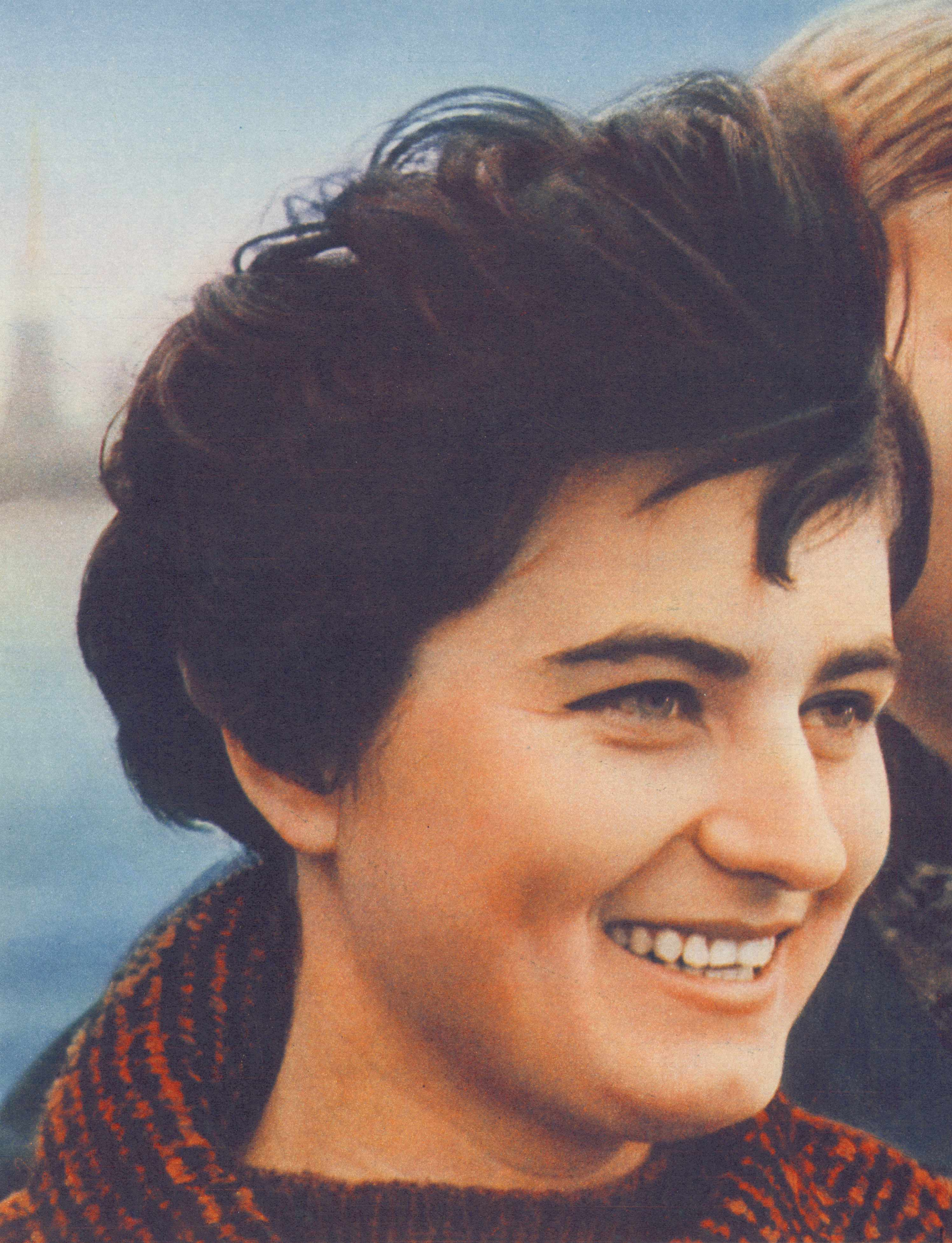
Такая молодежь живет и работает на твоей Выборгской стороне, Максим. И есть у нее еще одна общая черта. У всех. У Тани Соломахиной, у Нины Степановой и Александра Нефёдова (они — на нашей цветной вкладке), у Александра Рогозникова (его портрет — на первой обложке этого номера), у тысяч и миллионов других. Подвиги той, уже далекой революционной и военной юности живут в сердцах современных двадцатилетних. Живут, заставляют оценивать себя. И весь город и легендарная Выборгская сторона помогают им в этом. Все помнит, ничего не забыла Выборгская сторона. Послушай, Максим, о чем говорят ее улицы.

...Проспект Карла Маркса. Там на одном старом здании висит доска. Подойди, прочти и вспомни: здесь 24 апреля 1917 года состоялось первое собрание представителей рабочей молодежи, положившее начало первой массовой юношеской организации Ленинграда. А рядом проспект Энгельса. Есть на Выборгской улица Матроса Железняка и проспект Тореза, Гражданский проспект и улица Александра Матросова. И еще есть улица в новом районе с неожиданным и прекрасным названием — улица Верности.

К столетию В. И. Ленина на Выборгской стороне выйдет в свет книга «Ленинская эстафета славных дел». Она расскажет о самых значительных, о самых важных делах молодежи Выборгского района, о подарках комсомолии ко дню рождения Ильича. Книга будет храниться в музее, рядом с большевистскими листовками, с оружием красногвардейцев, с историческими реликвиями революционной Выборгской стороны. Первые страницы этой книги доверено написать комсомольцам завода «Светлана».

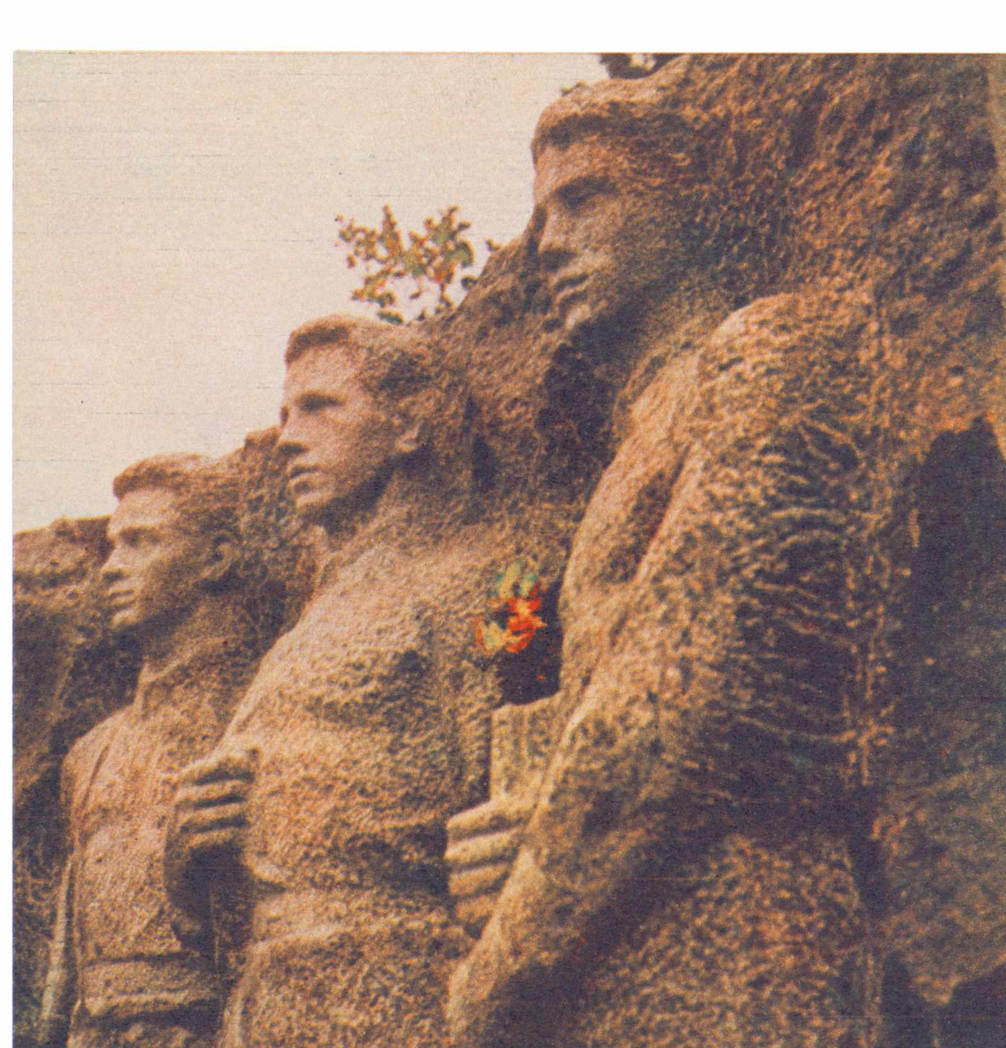
Рабочая Выборгская сторона стала и научной. На снимках: студенты сегодняшние и студент вчерашний — молодой ученый В. Форсилов.

Двое из семьи рабочей молодежи Выборгской стороны — Нина Степанова и Александр Нефёдов. Подвиги юности революционной и юности военной живут в их сердцах.

Фото А. Награльяна и Л. Шерстенникова.

Бригадир монтажников
Николай ЕЛАНСКИЙ:

— Ничем жизнь меня не обделила: ни работой, как раз такой, какая по мне, ни друзьями, ни любовью...

Ромео, Джульетта и ГЭС

Б. СМИРНОВ

— Привезите со стройки лирический фотоочерк! — сказали в редакции.

И мы тут же набросали примерную схему будущего материала. В лирическом фотоочерке не обойтись без любви. Пусть будет любовь! Пусть Ромео работает бетонщиком или шофером, Джульетта — крановщицей. А на фотографиях — производственные моменты с участием наших героев и их портреты на фоне природы или растущих новостроек... Никакой трагедии для своих героев мы не придумывали. В конце концов не всегда же любовь должна быть несчастной. Пусть будет она радостной и не омраченной ничем.

С этой условно-шутливой схемой мы отправились в Киргизию, на строительство Токтогульской ГЭС. Нельзя же работать без плана! Но, честно говоря, не очень-то мы доверяли своей «кабинетной» истории. И вдруг на стройке во время одного из разговоров нам предложили познакомиться с молодой четой. Ромео оказался бригадиром монтажников, Джульетта — геодезисткой. Работают они рядом — на одной площадке, вместе ходят на занятия по вечерам. Никаких фамильных трагедий им пережить не пришлось — не шекспировские времена. Правда, была иная трагедия. Страшная и жестокая, как и любая трагедия. И, как любая трагедия,— не укладывающаяся ни в какую схему. Но если отбросить все случайности, то в судьбе наших героев нет ничего необычного. На всякой крупной стройке можно найти сотни холостых, женатых или собирающихся пожениться парней и девчат, чьи жизненные истории по-настоящему начались только на этих плотинах, нефтепроводах и в таежных поселках, чьи трудовые биографии буквально от А до Я повторяют биографии новостроек страны. И та история, которую мы расскажем, очень типична для молодежи шестидесятых годов.

В армии Николай Еланский изучил радиодело, стал хорошим специалистом. Советовали ему остаться на сверхсрочную службу, но Николай демобилизовался и вернулся к себе в Таш-Кумыр, в Киргизию, на угольные шахты. В это время много народа шло на Токтогульскую ГЭС, и Николай тоже решил стать гидростроителем.

Такое пестрое начало рабочей биографии могло насторожить любого работника отдела кадров, но на «Токтогулке» было не до этого. Стройка только разворачивалась, многого ей не хватало, а людей — особенно. К тому же Николай попался на глаза Дмитрию Бушману, молодому инженеру, который при взгляде на людей больше доверял своим глазам, чем бумажкам. Бушман сказал: «Пойдешь в бригаду Каренкина». Бригада Каренкина считалась самой отчаянной на стройке.

Здешняя стройка с самого начала была весьма необычной. Стремительные воды Нарына проточили в горах Ферганского хребта такое узкое ущелье, что первые рабочие с трудом пробирались по камням к тому месту, которое должно было стать стройплощадкой плотины. Вместо стройплощадки были стены ущелья с уклоном в 80—90 градусов, а местами, как говорят альпинисты, с «отрицательным уклоном», то есть нависающие стены.

Об альпинистах мы вспомнили не случайно. Очень скоро руководство стройки пришло к выводу, что без скалолазов не удастся сделать ни шагу. Из Фрунзе был приглашен опытный горовосходитель, мастер спорта по альпинизму Владимир Аксенов. Открылись специальные курсы, на которых Володя учил «ходить» по скалам взрывников, топографов, связистов. Аксенов приехал на несколько недель, потом продлил срок еще, потом вызвал письмом жену и... остался совсем. Аксенову посчастливилось стать родоначальником совершенно новой отрасли альпинизма. Никогда не было такого, чтобы это чисто спортивное занятие стало основной профессией на огромной стройке. Скалолаз-взрывник, скалолаз-плотник, скалолаз-бурильщик и даже... скалолаз-бульдозерист! В самое напряженное время в штате стройки было около 500 скалолазов.

Так вот, бригада скалолазов Каренкина считалась самой отчаянной, а одним из самых отчаянных в каренкинской бригаде стал Коля Еланский. У Аксенова он перенял самое необходимое — способы завязывания узлов и технику страховки, зацепов, вбивания крючьев. Все остальное дала природная цепкость и смелость.

Вскоре Еланского знал на «Токтогулке» каждый. Наверно, все девчонки были в него влюблены, а парни втайне завидовали его лихости. Многие пытались ему подражать. Больше всех стремился к этому Юра Ратушный, Колин друг. Подружились они случайно: Юра приехал на стройку позже, никого не знал и на первых порах не мог устроиться, а Николай жил свободно. Кто-то привел к Еланскому новичка, и с тех пор ребята стали неразлучными. Было в них много общего — оба веселые, ловкие, оба увлекались боксом, оба любили отчаянные минуты игры с опасностью. Но у Николая был опыт, а у Юры — только азарт. Горящими глазами следил он за своим Коляем, когда тот, взвалив на плечи перфоратор или стальной брус, скользил по крутизне. На курсах у Аксенова Юра был самым нетерпеливым учеником. Николай сдерживал друга: не спеши, работы нам на много лет хватит...

Работы было много. Начинали с того, что прокладывали дорогу. Не так трудно пробить ее в прибрежных скалах, как защитить от камней, постоянно срывающихся с нависающих скал. Любой камешек величиной с детский кулак, падая с высоты нескольких сот метров, легко пробивает и кабину самосвала и защитную стеклопластиковую каску, а здесь упасть грозились не только камешки и камни, но и многотонные глыбы.

— Берешь мешок взрывчатки килограммов в тридцать и лезешь,— рассказывает Николай,— найдешь неустойчивый камень или трещину подозрительную, закрепишься, повиснешь и засыпаешь туда взрывчатку. Потом подзываешь взрывника — у нас в каждой бригаде был взрывник. Взрыв — и нет больше каменюги. Так все склоны очищали, или, по-нашему, обирали.

Это обычная, повседневная работа. Но случались и такие моменты, когда посмотреть на работу скалолазов собиралась чуть ли не вся стройка. Однажды над компрессорной нашли неустойчивую глыбу тонн в 200—300. Взорвать ее — значит уничтожить и компрессорную. Вызвали добровольцев закрепить глыбу. Пошли двое — Еланский в одной связке с Володей Аксеновым. Когда стали вбивать первые крючья, почувствовали, что камень «живой», может обвалиться каждую минуту. У Николая сохранилась фотография: Аксенов держит страховочный конец, а он, Еланский, повиснув на камне, бурит в нем скважину под анкер. Глыбу обхватили мощными, толщиной в руку, стальными тросами — взяли «в авоську». Эта фотография вместе с репортажем о «героических буднях скалолазов» была напечатана в местной газете. Вырезку из газеты Юра отправил в письме домой. Одну строчку, самую захватывающую, даже подчеркнул: «...Гора ощетинилась глыбами камня. Казалось, щелкнет она своими зубами — и прощай, Колька Еланский!» Это он сделал специально, чтобы поразить младшую сестру Валю: вот, мол, какой у меня друг!

В другой раз потребовалось переправить бульдозер через реку. На правом берегу Нарына уже была дорога и узкая строительная площадка, а на левом — только крючья, вбитые в отвесные скалы, да тонкие стальные тросы провисали над водой. И это считалось достижением — год назад с трудом удалось всего лишь «зацепиться» за левый берег, закрепить там первый трос. Теперь нужно перебросить через Нарын тяжелые лебедки, взрывчатку, вырубить в скалах площадку для бульдозера и, выражаясь языком военных, занять там плацдарм. Сделать это поручили бригаде Каренкина. И снова первым по натяну-

На строительстве Токтогульской ГЭС.
Геодезистка Валя Еланская.
Фото Г. Копосова.

На участке бригадира Николая Еланского (справа) каждый день напряженный.

тому тросу пополз Еланский. Над самой серединой Нарына трос провис, и волны несколько раз хлестнули Николая, поиграв им, как мячиком на веревке. А через несколько дней, когда была готова площадка и подвешена тросо-блочная система, над водой повис бульдозер. Считанные минуты длилась необычная переправа, а потом почти все газеты напечатали сообщения с заголовками «Летающий бульдозер», «Бульдозер в воздухе».

Что было еще? Ставили на скалах ловушки для камней, ограждения от осыпей, навешивали трапы. Дела находились самые разные. То ночью будил тревожный голос Бушмана: «Коля, вставай, вода бьет, надо мост разбирать...»,— то всей бригадой лезли в горы пробивать еще одну дорогу для бульдозера. Правда, дорогами эти выскобленные в скалах уступы никто не называет, а употребляют очень странное сочетание слов: «бульдозерная тропа». А какие еще слова придумаешь, если бульдозер ползет в крутизну, максимально допустимую для этих машин, а одна его гусеница то и дело повисает над обрывом!.. Ребята, чтобы сэкономить силы, цепляли за машину-альпиниста веревки, защелкивали на поясе альпинистские карабины и шли на буксире до места, где тропа кончалась. А потом в горах гремели такие взрывы, что в домах Кара-Куля, поселка строителей, звенели стекла.

Как-то раз Юра ошарашил Николая: «Тебе Валя привет передает». «Это какая Валя?» «Да моя сестренка, в школе учится. Я ей все твои подвиги описываю». «Лучше напиши, чтобы после школы сюда приезжала. А что? Устроим, жениха найдем...»

Шестого января 1966 года было перекрытие Нарына. Еланскому в тот день поручили обслуживать кинодокументалистов. Николай забрался на отметку 1 300 метров, прикрепил к канату камеру. Когда из тоннеля показался первый КРАЗ Бориса Амиранова, он включил камеру и подтолкнул ее. Камера заскользила по канату вниз, снимая праздничную панораму. А внизу все было пестро от флагов, транспарантов, ярких одежд сотен гостей. Вот в воду полетели обломки скал, железобетонные «негабариты». На глазах Николая правый берег Нарына медленно соединялся с левым. Исторический момент... Отсюда, сверху, стройку можно было закрыть ладонью и представить, как выглядело ущелье Нарына четыре года назад. Четыре года! Нет, прежнего безмолвия гор уже не вернешь. И он, Еланский, уже не тот прежний рубаха-парень Коляй, независимая личность с шикарной бородой (да, было и такое!). Стройка и над ним поработала. Уважаемый человек, передовой строитель, к тому же глава маленькой семьи, отец.

Николай пошевелил ладонью, слегка раздвинул пальцы. Может быть, там, среди пестрой толпы, удастся разглядеть фигурку Вали, жены...

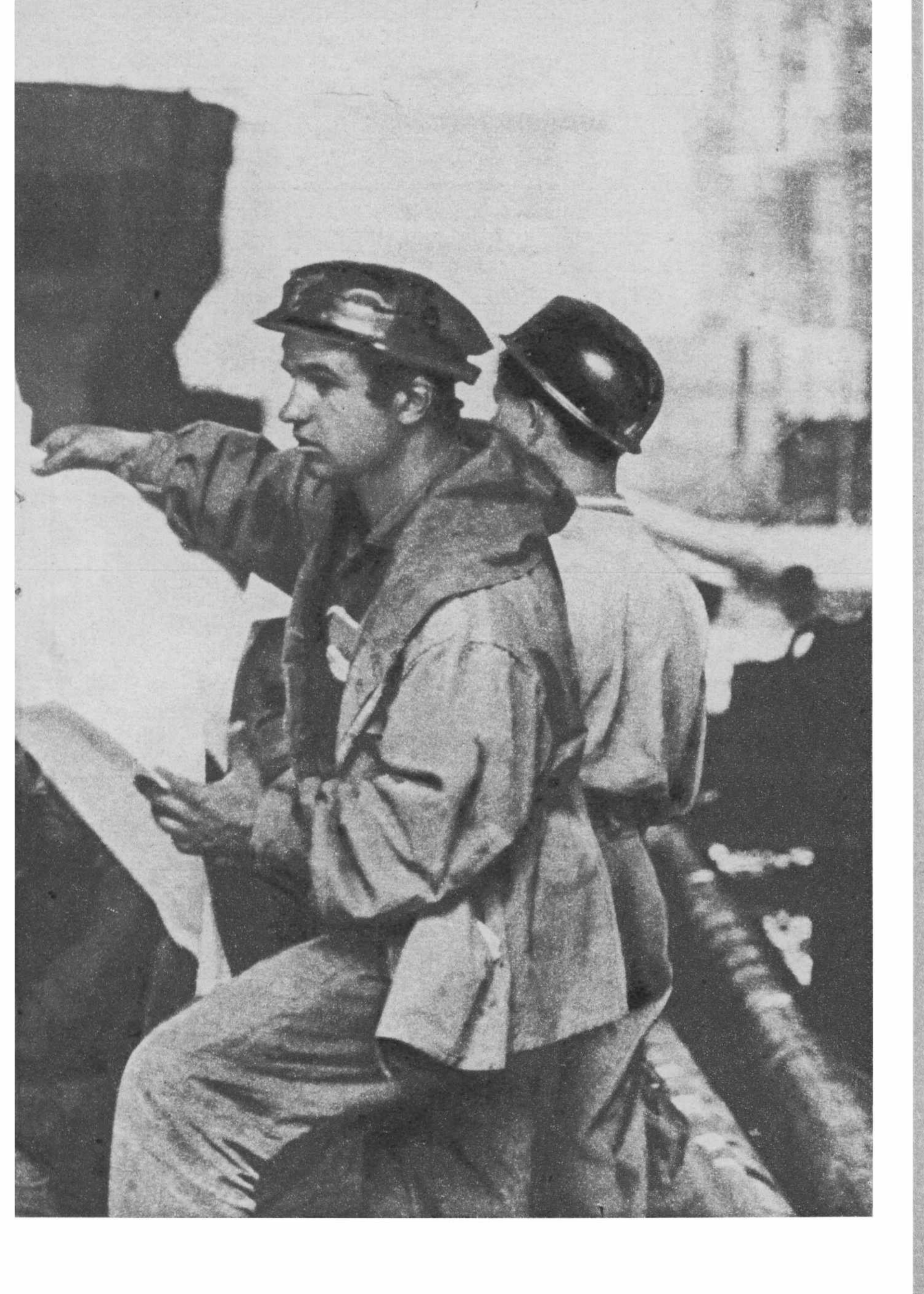
Валя вошла в его жизнь в тяжелую минуту. Тут надо рассказать о той трагедии, о которой мы упомянули вначале. Как все это случилось?.. Ведь говорил, говорил же он Юре: не надевай ботинки на триконях! Ботинки тяжелые, жесткие, к ним нужна привычка, а Юре предстояло работать на гладких, зализанных ветрами «лбах». Лучше взял бы кеды. Юра кивал головой и все же вышел на скалы в «отриконеной» обуви. А Николай работал на другом участке. Будь он рядом, он бы, конечно, удержал Юру, когда тот перед взрывом прошмыгнул в конец штольни. Пожилой бригадир просто не смог, не успел его остановить... Когда пыль после взрыва рассеялась, Юра уже карабкался по скале. «Стой, куда без страховки?» — закричал бригадир. «Мне совсем мало осталось!» — ответил сверху Юра, и... То ли соскользнули трикони, то ли не выдержала рука... Юра сорвался. Когда, услышав страшную весть, прибежал Николай, все уже было кончено.

...Он шел по улице Джалал-Абада, озираясь. Где-то здесь должен быть дом Юриных родителей. Что им говорить, как сообщить о смерти сына?

У калитки стояла девушка, смотрела на него и улыбалась. Николай прошел мимо, потом обернулся. «Вы кого ищете?» — спросила девушка и опять улыбнулась. «А что?» Николаю было совсем не до шуток. «Вы ведь Николай, правда? Я вас по фотографиям узнала. А где же Юра?»

Верно говорят, что горе сближает людей. На все эти дни Николай стал как бы членом семьи Ратушных. И потом, месяц спустя, он просто не мог не написать родителям Юры письма: так, мол, и так, работаем, строим, вашего сына не забыли... От имени семьи отвечала Валя. Со временем переписка принимала все более личный характер. «Приезжай к нам,— советовал Николай,— и работать будешь и в институт поступишь. У нас на стройке открылся филиал Фрунзенского политехнического. С жильем нормально...» О своем давнишнем обещании — найти Вале жениха — на этот раз он умолчал.

Но все получилось иначе. Николай сам поехал за Валей в Джалал-Абад. Поехал с шиком, на своем мотоцикле. Предложил покататься, да не удержал машину

и шлепнулся вместе с невестой в пыль. Так и шли в загс, прихрамывая...

Когда у Еланских родился сын, имени для мальчишки никто не придумывал. Конечно, Юра.

Николай шел молча. Заботы, заботы... Обязательно надо подготовительные курсы закончить, больше тянуть без образования нельзя. Юрашку в детский сад отдать придется, хорошо, что здесь это не проблема. Не хватает времени. Бокс забросил. Дома дел полно. Квартира хорошая — новый дом, газ, вода, отопление, да вот в двух комнатах тесно...

В Кара-Куль насовсем переехали Валины родители. Раньше они все звали Николая с Валей и с маленьким Юркой к себе. А теперь не выдержали, перебрались поближе к своим. Климат хороший, работа всегда найдется, для Оли — маленькой Валиной сестры — есть музыкальная школа...

Мы шли по Кара-Кулю. Мимо новых корпусов, мимо двухэтажного общежития, по широкой лестнице — к стадиону и искусственному озеру. Николай оживился: скоро здесь разведут зеркального карпа, а он старый рыбак. Говорят, над озером будет такая набережная, что хоть из Фрунзе приезжай гулять. Только добираться сюда не очень удобно — на автобусах. Пора бы уже аэродром тут построить.

— Не хотят в области принимать наш Кара-Куль всерьез: построили здесь свой рынок, а совхоза или колхоза за ним никак не закрепят.

Вечером мы пригласили Еланских в кафе.

За одним из столиков потихоньку пели несколько ребят. Песня была своя, о Токтогульской ГЭС:

Если, друг, ты в Кара-Куле не был,
Значит, ты еще не жил пока.
Там на створе скалы выше неба
И висят на скалах облака.
Грохот, как из тысячи орудий,
Над ущельем тучи, словно дым.
Если космонавтам нужно будет,
На Луну мы воздух подадим!

— Ничем меня жизнь не обделила,— задумчиво говорил Николай,— ни работой, как раз такой, какая по мне, ни друзьями, ни любовью...

Вот и вся история, которую мы хотели рассказать. Как и задумывали в Москве, не обошлось в этой истории без любви. А на фотографиях — все по плану! — производственные моменты с участием наших героев, их портреты на фоне природы и растущих новостроек...

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЗЕМЛЯ!

Зосе МАЦКЕВИЧЮТЕ,
абсолютная чемпионка
СССР среди пахарей.

Это для меня как зарядка души — выйти утром на балкон и увидеть с высоты четвертого этажа тенистый парк, размах полей, притихших в росный час зарождения нового дня. В эти минуты я всегда чувствую, что новый день предназначается мне — неважно, солнце ли светит, или дождь льет. Потому что моя это земля, я научилась любить ее еще с детских лет. Мы жили на хуторе и каждый день ходили с сестрой в школу за двенадцать километров. Туда и обратно. В любую погоду. А природа всегда была такая разная... И мне нравилось быть в ней, слушать ее тихие шепоты. И еще мне нравился шум машин. Я завидовала людям, управляющим тракторами, автомобилями, комбайнами. С этого все и началось, тут, так сказать, самая дальняя предыстория моей победы на всесоюзных соревнованиях пахарей, где я стала абсолютной чемпионкой страны среди пахарей-женщин. И получила золотую медаль.

А непосредственно предшествовали этой победе четыре года работы трактористкой, когда и в жару и в холод загрубевшими руками крутила штурвал трактора и копалась в его железных внутренностях. Приходила домой пропыленная, чумазая. И вроде бы не было в этом никакой романтики, но чувствовала себя нужной людям, и где-то внутри жила радость каждого дня, из которых ни один зря не прожит. Видимо, влюбилась я в свою профессию, потому и не отчаивалась в самые тяжелые, невезучие дни. А профессия моя, можно сказать, семейная: два брата — тоже трактористы. Третий сейчас служит в армии, но обязательно вернется в село. И еще у меня две сестры, и они тоже работают в колхозах, хотя и не механизаторы. Их тоже завораживает красота полей, то чернеющих свежей распашкой, то нежно зеленеющих щетинкой всходов или уж во всем великолепии золотого налива хлебов.

Работаю я в опытно-экспериментальном хозяйстве научно-исследовательского института землеустройства, в деревне Дотново. И учит меня (а жизнь — это всегда ученье) чудесный человек, бесконечно влюбленный в землю, Микалас Арлаускас, кандидат сельскохозяйственных наук. Он-то и был моим тренером во время подготовки к соревнованиям. Его любимая шутка: «У нас, литовцев, умелый пахарь и на гусе хорошо пашет». Но шутка шуткой, а только знания он нам дает серьезные и глубокие.

Есть, конечно, среди молодежи и такие, что уезжают из села. Видимо, им не сумели вовремя привить любовь к земле. А сама собой она приходит редко. Вот и решили в нашем хозяйстве создать такую «школу любви к земле». Попросту говоря, это летний молодежный лагерь, в котором проводят каникулы школьники, начиная с третьего класса. Каждый выбирает себе группу по душе: строительную, полеводческую, цветоводов или механизаторов. Я, конечно, больше всего симпатизирую последним. Они в ремонтных мастерских учатся чинить трактор, разбираться в его деталях, менять их. Лучшим предоставляется право поработать с опытными механизаторами на тракторе или комбайне. И ребятам в лагере интересно, и родителям, занятым работой, легче: меньше забот в напряженные страдные дни.

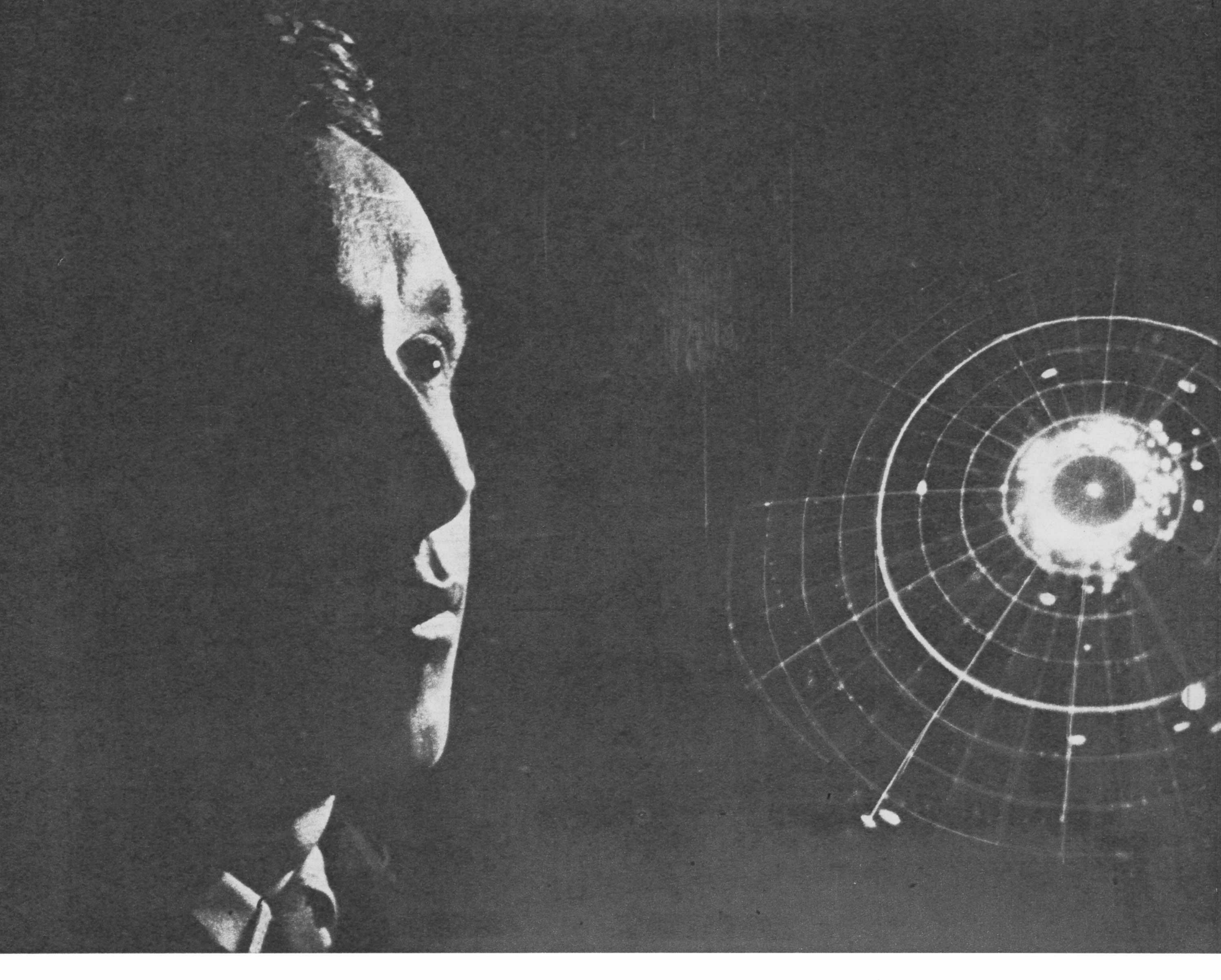
Так приобретают наши школьники и знания и любовь к труду. А работа их оплачивается. И хотя немного они получают за лето, но гордятся этим страшно: как же, первые деньги, заработанные своими руками. Так, в труде, в постоянном общении с природой, рождается светлая любовь к кормилице нашей — земле.

Кедайнский район,
Литовской ССР.

Зосе Мацкевичюте.

Фото М. Цебоева.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
Фото Г. МАКАРОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Истребитель - бомбардировщик возвращался с полигона. Как ни хитро маскировал «противник» свои «танки», бомбы легли точно в цель. Столб огня и дыма — вот и все, что осталось от этих «танков».

Когда задание выполнено, возвращаться домой особенно приятно. Да и вообще на земле не так уж плохо. Хотя у летчиков с ней особые отношения. Если она далеко внизу — нет друга желаннее. Но если заходишь на посадку, а бетонной полосы не видно, если отказывает двигатель и входишь в штопор, земля становится врагом.

...Вдруг в наушниках раздался голос руководителя посадки: «Шестьдесят шестой! Прибой — 220. Удаление — 35».

Это значит, что самолет находится под углом двести двадцать градусов к посадочной полосе и до нее тридцать пять километров. Для сверхзвукового истребителя-бомбардировщика это расстояние — пустяк, пора снижаться. Когда до аэродрома оставалось десять километров, снова прозвучал знакомый голос. «Шестьдесят шестой! Удаление — десять. Влево — двести». Так, надо взять на двести метров левее... «Шестьдесят шестой! Над полосой!» «Полосы не вижу!» — ответил летчик. «Шестьдесят шестой! На второй заход!»

Теперь и непосвященному стало ясно, что обстановка сложилась серьезная. В ста метрах над полосой сплошная облачность.

Я сидел на командно-диспетчерском пункте рядом с руководителем посадки и дивился его спокойствию, деловитости. Не исключено, что летчику придется катапультироваться, а говорится об этом так, будто речь идет о том, выпить или нет стакан воды. Но это удивление быстро проходит. Постепенно привыкаешь к тому, что на аэродроме вообще редко услышишь повышенный голос или нервную интонацию — люди говорят тут размеренно, неторопливо, но продуманно и четко.

— Теперь все зависит от лейтенанта Исаева,— обернулся ко мне руководитель посадки.— Если он сработает хорошо, все будет в порядке.

— А где он?

— На РСП.— И, перехватив мой недоумевающий взгляд, разъяснил: — В вагончике радиосистемы посадки. Я ведь только разговариваю с летчиками, а все данные для этих разговоров получаю от Исаева.— И резко прервал нашу беседу: — Извините, самолет на третьем развороте.

— Что это значит?

— Ни один самолет не садится сразу. Сначала летчик пролетает над полосой, чтобы присмотреться к ней; потом делает разворот влево или вправо, затем еще поворот, и самолет летит назад параллельно полосе, следует третий разворот и уже с четвертого можно приземляться.

Руководитель посадки посмотрел на индикатор и бросил в микрофон:

— Шестьдесят шестой! Над полосой!

Я спустился с вышки командно-диспетчерского пункта и побежал в вагончик Исаева. В это время над головой проревел двигатель, из облака вывалился остроносый самолет, чиркнул задымившимися колесами бетонную полосу, выбросил тормозной парашют и покатился к стоянке. А я протиснулся в тесный вагончик со всевозможными приборами. Везде что-то мигало, вздрагивали стрелки, мельтешили цифры, а на крыше вращались и раскачивались антенны. И всем этим командовал двадцатитрехлетний лейтенант Александр Исаев.

— Работа, конечно, ответственная,— по-военному коротко рассказывал он.— Если погода плохая, жизнь летчика целиком зависит от этих приборов. Сегодня все нормально: индикаторы высоты, курса, глиссады и кругового обзора работают четко, значит, и полеты пройдут хорошо. А на днях сгорел выпрямитель. Пока ремонтировал, самолеты держали в воздухе. Ребята возвращались с задания, горючего в обрез, а сесть не могут: полосы не видно. Провозись я чуть дольше, могли бы случиться серьезные неприятности.

Скажи кто-нибудь Александру лет пять назад, что он будет служить на аэродроме, что от него будет зависеть жизнь летчиков, он бы только плечами пожал. Да и как могло прийти такое в голову?!

Жил паренек в подмосковном селе Щельпино, работал слесарем и учился в вечерней школе. Планы на будущее самые обыкновенные: окончить школу, отслужить положенное в армии, попытаться поступить в институт. И вдруг в военкомате предложили сдавать экзамены в Тамбовское авиационно-техническое училище.

— И как это они узнали о моем увлечении радиотехникой?! — разводит руками Александр.— Подумал, подумал и согласился.

— Короче говоря, профессию помог выбрать случай?

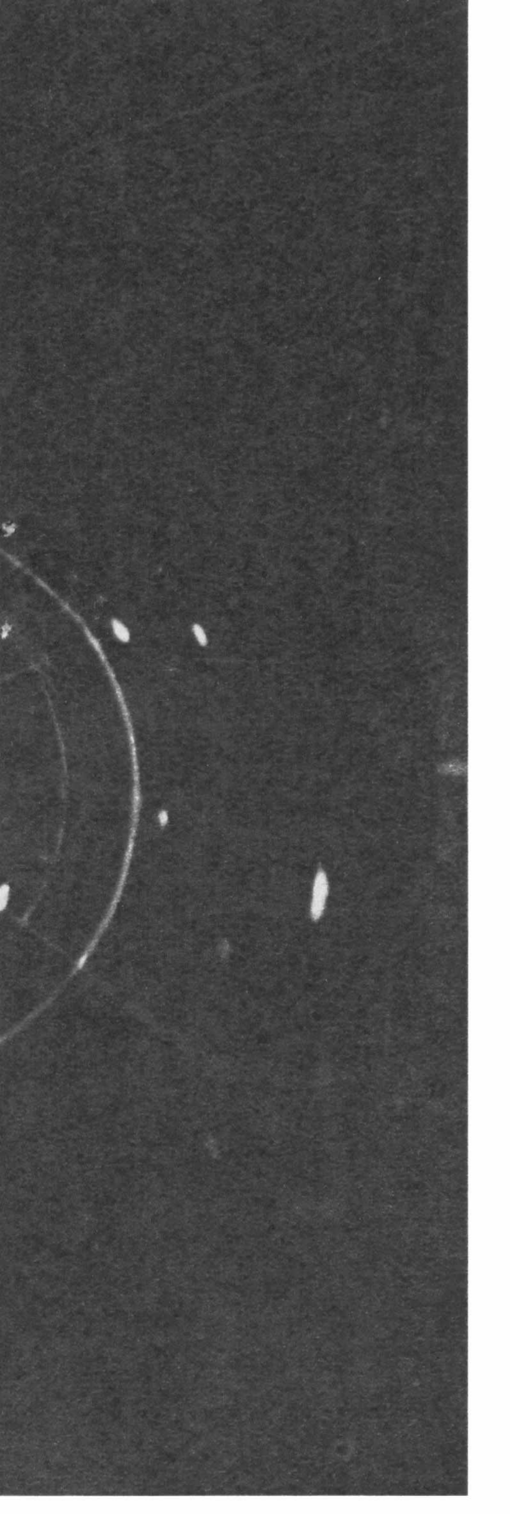
— Не совсем так. Не скрою, считал, что в военное училище поступить проще простого. Туда, дескать, зачисляют, а не принимают по конкурсу: сдашь на троечки — и порядок. Приехал, а там пять человек на одно место! Пришлось засесть за учебники... Экзамены сдал. Приняли меня. Все в общем-то обычно. Но, если по большому счету,— военным я стал потому, что больше всего на свете люблю мир. Может, слишком громко звучит, но это так. Окончил училище с отличием, приезжаю в часть, знакомлюсь с командирами, а они, оказывается, тоже наши выпускники. Сами понимаете, с однокашниками интереснее. Правда, многие успели окончить и академии.

— А ты не пытался последовать их примеру?

— Было дело,— вздохнул Алек-

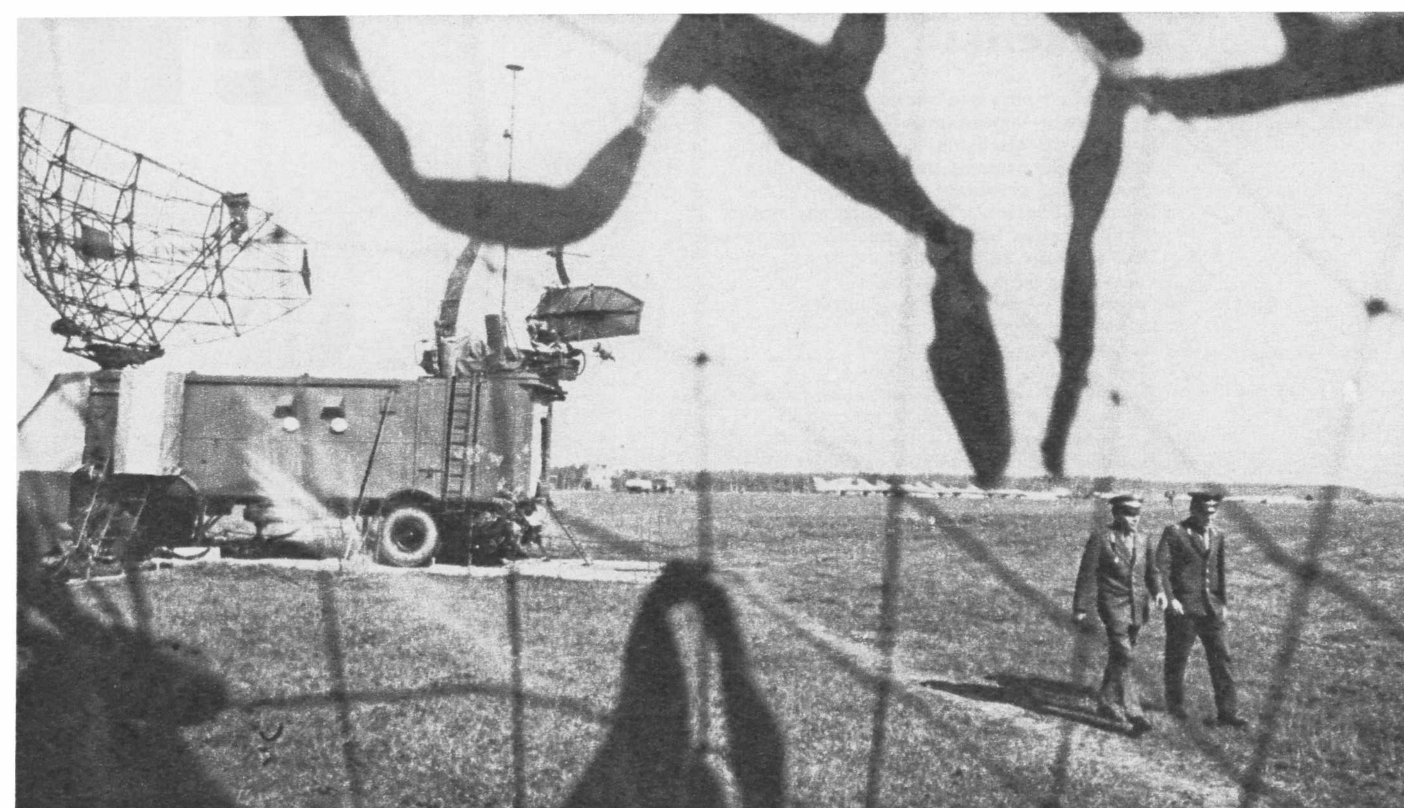
Лейтенант Александр ИСАЕВ:

ВЫ ЛЕТАЙТЕ...

←
Здесь царит электроника.

Вот оно, Сашино хозяйство.

сандр.— Этим летом сдавал экзамены в Военно-воздушную инженерную академию.

— И как?

— Сгорел на математике,— досадливо поморщился он.— Ничего, на будущий год подготовлюсь основательней.

Незаметно стемнело, и начались ночные полеты. Тут уж не до разговоров: полоса не пустовала ни минуты, самолеты взлетали и садились один за другим. Александр поколдовал над индикаторами, а потом вышел из вагончика.

— Красиво, правда! — кивнул он на рвущиеся в небе гремящие стрелы.— Вот уже два года, как встречаю и провожаю самолеты, но к ночным полетам привыкнуть не могу. Тревожно... Ведь в каждой такой стреле — человек. А кругом кромешная тьма. Да еще облачность. Тут уж без радиосистемы посадки не обойтись.

Служба на РСП довольно своеобразна: если приборы в порядке, то делать в общем-то нечего. Но чтобы они работали безотказно, надо все время их проверять, ремонтировать, заменять. Именно поэтому Александр часами не вылезает из своего вагончика. Зато во время полетов он спокоен — техника не подведет. А когда дежурит Исаев, спокойны и летчики. Не случайно после сложных полетов они заглядывают в вагончик и говорят душевные, не предусмотренные уставами слова: «Спасибо, Сашка!» И он тоже отвечает совсем не по-уставному: «Ладно, чего уж там... Вы летайте, мы вас подождем».

→
На дежурство.

Надежда **НОВИКОВА**

Запев

Я пишу о России.
Я — российская дочь.
Все мученья осиля,
Родила меня ночь.
В золоченую полночь,
В тишину сентября
Ослепляющий голос
Вдруг ворвался, горя.
Ветры в травах качали
И баюкал закат.
На придонских печалях —
Соловьиный каскад.
А весною — черешни.
А зимой — тишина,
Словно давняя песня,
Что уже не слышна.
Перевернуты ветры.
Перевернуты дни.
Листья падают с веток,
Как морские огни.
В темноте прокричала
Петухами заря.
Впереди сто причалов,—
Подымай якоря!

Ростов-на-Дону.

●

Камиль **МУСТАФИН**

Красные комиссары

Газетные пожухлые листы,
На фото — незнакомые черты...
Какими же вы были, комиссары,
Улыбчивые рыцари мечты?
Подушкою служило вам седло,
Вы шли в огонь, всем недругам назло,
И, на древке взметнув рассвет багряный,
Под пулями валились тяжело.
Газетные пожухлые листы,
На фото — незнакомые черты...
О чем мечтали вы, предтечи наши,
Носители духовной чистоты?
Мечтали вы, цигаркою дымя,
Сквозь пенье пуль расслышав соловья:
«Какими, не рожденные покуда,
В грядущем будут наши сыновья?»
Дороги ваши преградил свинец.
Никто из нас вас не назвал «отец».
Вы спите под Херсоном и Каховкой,
И выросли ромашки из сердец.
Но по ночам пытаем мы себя:
«Кто мы такие — он, и ты, и я?»
И комиссары, юные навеки,
Нам отвечают: «Наши сыновья!»

Перевел с татарского
Лев **СМИРНОВ**.

●

Сурен **МУРАДЯН**

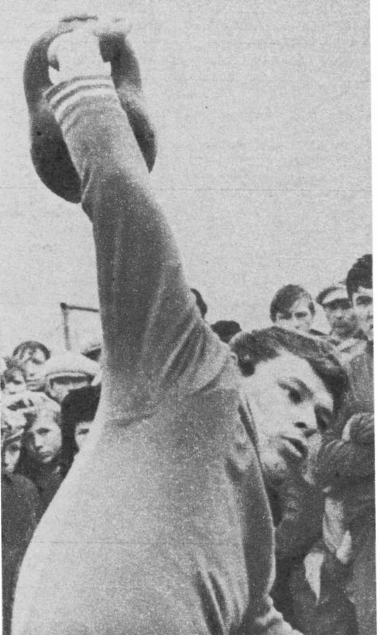
Часы

Умные мои,
Бодрые друзья,
За работу вам
Благодарен я.
Вы — как небольшой
Круглый шар земной, —
В вас рожденья, смерть,
Жизнь с ее борьбой,
Песни, и мечты,
И бессменный труд.
Мысли и дела
С вами в лад живут.
В мерности секунд —
Времени полет,
И зовете вы
Все вперед, вперед.
Ваш упрямый стук
Слышит человек, —
Ускоряет он
Жизненный свой бег.
Мост меж двух сердец —
Перезвон часов,
Связь далеких стран,
Сел и городов.
Вы — как небольшой
Круглый шар земной.
Если вы при мне —
Целый мир со мной.
Сердце и часы,
Ритм один у вас.
Ярок и богат
Каждый миг и час.

Перевела с армянского
Вера **ЗВЯГИНЦЕВА**.

СПОРТ В

Учитель Александр Санников — сильнейший гиревик района.

Б. **БОРИСОВ**,
А. **БОЧИНИН**

Отроги Уральских гор полыхали осенними красками, а на берегу реки Белой раскинулась бесконечная башкирская степь. Летом она золотая от тучных хлебов, но сейчас урожай убран, земля перепахана, и поля черные.

...Мы стояли на краю такого поля, и секретарь Мелеузовского райкома партии Иван Иванович Чуриков рассказывал о том, каким трудным было лето. Вдруг из рощицы со свистом и гиканьем выскочила кавалькада. Вороные, белые и гнедые кони, синие кафтаны и лисьи малахаи наездников промелькнули и скрылись в лощине.

— Ну вот, разминка окончена, можно давать старт,— сказал Чуриков и взял клетчатый флажок.

Прозвучала команда: «Марш!..» Свист! Крик! Топот! Щелчки камчи!.. Так начался спортивный праздник, посвященный Дню работников сельского хозяйства, а праздник в Башкирии — это прежде всего скачки, ведь башкир с самого рождения в седле. Хороший всадник — самый знаменитый человек.

Снова из рощицы выскочили всадники. Впереди несся пастух колхоза имени Ленина Мажит Абдуллин, за ним держался, прильнув к гриве, пятнадцатилетний школьник Мударис Шарипов. И вот уже победители, гарцуя, подъезжают к судьям за призами.

▼ На вираже.

Так начинается праздник.

ЕНЧАЕТ СТРАДУ

Через час спортивные события развернулись на стадионе. Семнадцать колхозов и четыре совхоза прислали своих спортсменов на районный праздник. Пока на беговых дорожках и волейбольных площадках шли соревнования, в центре футбольного поля расстелили большой ковер, и около него собрались борцы.

Правила национальной борьбы довольно своеобразны.

— Тут нужна не сила, а хитрость,— объяснил нам скотник колхоза «Трудовик» Г. Ахтямов.— Значит, так. В одной руке держишь полотенце и кружишь вокруг соперника. Зверем ходишь, пугаешь. Согнешься весь, набычишься. А потом изловчишься, забросишь полотенце за спину, подтащишь батыра к себе, поднимешь в воздух и — раз! — бросаешь на спину. На лопатки класть не обязательно, надо поднять и бросить... Бывает, что семидесятилетний старик побеждает молодого парня. Мне, например, сорок, а бороться буду и кое-кому дам прикурить! — молодцевато закончил он.

И действительно, вскоре на ковер вышел Ахтямов. Пока он «ходил зверем» и пугал своего соперника, тот изловчился и бросил его на лопатки. Страсти разгорались. На ковер выходили все новые борцы. И вот на ковре двое прошедших весь круг без поражения — свекловод Ахмет Давлетдинов и кузнец Даминдар Рахматуллин. Полотенце трещит, ноги скользят. Кажется, что схватке не будет конца. Но вот Давлетдинов поймал соперника и швырнул его наземь. Победа!

А тем временем в тридцати километрах от Мелеуза дали старт марафонскому пробегу. Да-да, и этот вид спорта популярен в селах Башкирии. Несмотря на ветер и слякоть, ни один марафонец не сошел с дистанции. Первым на стадион прибежал молодой колхозный строитель Рафик Бураканов. Но самое интересное впереди! В маленьком городке Мелеузе есть прекрасная команда мотогонщиков по гаревой дорожке, которая выступает в классе «Б» и в этом году заняла четвертое место на чемпионате страны. Дорожка на стадионе отличная, недаром здесь проводятся международные соревнования. И вот четыре мощных мотоцикла со специальными шипами на шинах со страшным ревом срываются с места. Такой же рев несется и с трибун. На вираже мотоциклы заносит, из-под колес летят искры. Все четверо влетают в лужу и окатывают друг друга тучами грязи. Скорость адская! Все хотят выиграть. И только на последней прямой мастер молочноконсервного комбината В. Волков вырвался вперед.

А потом был концерт, песни, пляски, национальные игры... Спортивный праздник закончен, и колхозники возвращаются по домам. «До встречи! — говорили они друг другу.— До следующей осени, когда будет убран урожай...»

Главное — «поймать» соперника полотенцем.

„VIVA ТАНЯ!“

Валерия **ГОРДЕЕВА**

*«Имя
этой
теме
. . . . . . !»*
В. Маяковский.

Я никогда не читаю чужую корреспонденцию. Даже адресованную самым близким мне людям. А тут прочла. Вот как это случилось.

...Тот двор был обычным московским двором, где четыре огромных дома составляют традиционный, но уже устаревший квадрат. Я опаздывала к своим друзьям и поэтому не особенно разглядывала окрестности. Да и что разглядывать! Мне была знакома тут каждая мелочь. И вдруг я остановилась, будто споткнулась обо что-то...

Прямо на асфальте белой масляной краской были написаны стихи. Хотя «написаны» — это не совсем верное слово. Они были нарисованы. Огромные, каллиграфически исполненные буквы сливались в идеально ровные строки. Такие длинные, что приходилось поворачивать голову слева направо, чтобы прочесть их.

Впрочем, я охватила взглядом лишь первое четверостишие и заспешила: мне было неловко стоять и читать ТАКОЕ на виду у бабушек и мамаш с колясками. Хотя они-то уж наверняка все обсудили между собой. А мне казалось кощунством деловито изучать четкие даже в сумерках слова. Ибо это было ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ. Нет, не просто — объяснение. Это было — ЗАКЛИНАНИЕ.

«Он» расположил строки так, что, едва выйдя из своего подъезда, «она» буквально натыкалась на них. А чтобы и впрямь невзначай не наступила, «он» предусмотрительно оставил между ступеньками крыльца и последним четверостишием узенькую полоску — так, не топча стихи, она могла пройти к арке ворот.

Весь вечер я была на редкость рассеянной. Но в конце концов все рассказала своим друзьям. Хозяйка дома Елена Николаевна, не по годам живая и мечтательная старушка, тотчас встала и вышла из комнаты. Через десять минут я держала в руках плотно исписанный химическим карандашом листок. А перед глазами стояли раскаленные страстью белые строчки на темном асфальте. Страстью такой сильной и чистой, когда уже ничего не стыдно, когда совершенно безразлично, как отнесется к этому дворничиха. Или начальник жэка. Или даже вся местная общественность.

Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне,
Осенней ночью думай обо мне,
И зимней ночью думай обо мне...
Я не хочу, чтоб думала ты днем.
Пусть день перевернет все
кверху дном,
Окурит дымом и зальет вином,
Заставит думать о совсем ином.
О чем угодно можно думать
днем.
Но ночью — только обо мне
одном...

Кто он, современный Петрарка, бросивший в прямом, а не в переносном смысле слова к ногам своей Лауры этот довольно уязвимый для критики сонет? Сколько ему лет — шестнадцать или вдвое больше? Есть ли у него надежда, или это жест отчаяния? И, наконец, приносят ли стихи эти радость тому человеку, к которому обращены, или вызывают раздражение, а то и гнев?

Ничего я не знала. Ничего не знали и хозяева. Однако они припомнили, что недавно кто-то всю ночь возился во дворе, до самого утра чем-то гремя. «Ведерком или банкой с краской»,— догадалась я. Вот и все сведения...

Впрочем, было известно, как зовут «Лауру». Стихи озаглавлены: «Viva Таня!» — «Да здравствует Таня!» Можно, конечно, ее разыскать: подъезд ведь тоже известен. Уж как-нибудь среди десятка Тань, живущих в нем, я обнаружила бы ту самую.

Но мне — странно, наверное, да? — мне отчего-то не захотелось этого делать. Не зная точно, кто он, кто она, не зная, что их соединяет или разъединяет, мне было легче о них думать. Мало ли как обернулось бы наше знакомство! Трудно избежать личных симпатий, а чаще — антипатий, полностью разделить чужой вкус, одобрить чужой выбор, короче, быть по-настоящему объективным и беспристрастным. А так... Так у меня имелась возможность пофантазировать на их счет.

Ведь было ясно главное: автора стихов обуревают чувства, ничуть не меньшие, чем у влюбленных, давно ставших хрестоматийными. И это в наш космическо-кибернетический век, не оставляющий, как утверждают многие, ни времени, ни сил на «возвышенные» чувства. Авитаминоз любви!

Оказывается, неправда все это.

Молю тебя: в тишайшей тишине,
Или под дождь, шумящий
в вышине,
Или под снег, мерцающий в окне,
Уже во сне и все же не во сне —
Весенней ночью думай обо мне,
И летней ночью думай обо мне,
Осенней ночью думай обо мне,
И зимней ночью думай обо мне...

Так во второй половине двадцатого столетия обращается к своей возлюбленной житель ничем не примечательного московского двора.

Я понимаю, что это не самый популярный способ объяснения в любви: какие-то неизвестные нам обстоятельства, видно, заставили человека решиться на это оригинальное признание.

Хотя совсем недавно был еще прецедент (может, теперь это модно, а я упустила?): девчонка в форменном платьице со сложнейшими капроновыми розанами в белобрысых волосах, морща от напряжения нос картошкой, быстро-быстро чертила мелом поперек «классиков», не обращая никакого внимания на прохожих: «Сережа Лопухин! Я тебя люблю!»

Никаких там тебе: «С + М (или В или К) = Л». Четко и ясно: «Сережа Лопухин! Я тебя люблю!» Четко и ясно: «Viva Таня!» Ну, а что без подписи, так каждый адресат, несомненно, знает своих храбрых корреспондентов.

Нет, не в отсутствии «возвышенных» чувств примета нашего сложного века, а в несколько ином, иногда неожиданном их проявлении. Ну и что в том? В том, например, если курносая школьница не может молчать о своем чувстве к некоему Лопухину и пишет об этом не на тончайшем ароматизированном листке бумаги, как когда-то юная Ларина, а... на тротуаре? Ей важно одно: **что** предпримет после этого некий Лопухин, и совершенно наплевать на то, **что** будут думать и говорить по этому поводу окружающие.

Невоспитанность? А может, отсутствие ханжества и мещанства? Спорный вопрос. Пожалуй, даже неразрешимый. Я думаю, противников окажется равное количество, и примирить их вряд ли удастся.

Хуже другое — именно сторонники прежних форм «ухаживанья», без конца вздыхающие: «А вот в наше время...», категорически считающие, что сердечные чувства можно выражать только «по-ихнему», а если как-то по-другому, значит, это типичное не то, именно эти люди и сеют смуту: и молодежь, дескать, нынче не та, и любви, как была прежде, не встретишь...

Их кривые усмешечки нет-нет да и западают кому-то в душу, порождая ни на чем не основанный пессимизм. Как те рассуждения, начинающиеся частенько в прессе и кончающиеся порой на скамейках скверов — о канувшей в Лету девичьей чести и т. д. и т. д.

Самое смешное, что особенно активничают люди «в возрасте». А те, о ком они так настойчиво, но не всегда тактично пекутся, не занимаются философией уровня садовых скамеек, а делают в это время то, что и положено делать в «младые лета»,— любят. Кто — счастливо, кто — несчастливо. Кто — отправив объяснение по почте, кто — шепнув непривычные слова при встрече, а кто — начертав их прямо на асфальте...

И нужны им в это время не хорошо организованные морально-этические баталии на весь белый свет, слишком громкие для интимных тем и довольно-таки абстрактные, а чуткие и умные люди рядом — и взрослые и сверстники,— с которыми не дискутировать хочется, а просто говорить или молчать в крутую минуту. Ведь их, таких минут, у каждого бывает предостаточно. Куда тогда броситься? Кому излить душу? От кого ждать помощи?

«...Мне кажется, что все заняты каким-то человеком ВООБЩЕ. Для него строятся дома, дворцы, ему повышают жизненный уровень и т. д. и т. д. А судьба личности, особенно неудачно сложившаяся, как-то выпадает из поля зрения. Не примите мое письмо за желание поплакаться в жилетку, но послушайте. Как вы знаете, я некрасива и потому «долго замуж не брали...» — так написала мне недавно в своем очередном грустном письме молодая учительница Алла Т-ская.

Но потом замуж все-таки «взяли». А вскоре бросили. С маленькой дочкой на руках. Дальнейшая ее жизнь складывалась на удивление трудно. Но вокруг — полнейший вакуум. А может, столь трудно как раз оттого, что вакуум? Так ли, иначе ли, но, основываясь на личной драме, женщина делает довольно обидный и для нашего общества и для нашего времени вывод: «Все заняты каким-то человеком **вообще**». Верно ли это? Нет. Ну, а если взять определенную судьбу, именно судьбу Аллы Т-ской? Вот тут-то и задумаешься, прежде чем произнести это безапелляционное «нет».

А сколько таких или в чем-то схожих трагедий! Сколько людей ждет доброжелательного взгляда, заинтересованного разговора, дружеского совета в сложный для себя момент! Но все ли дожидаются?

...В переполненный вечерний трамвай, идущий по проспекту Мира, влез парнишка лет пятнадцати. Влез с мороженым в руках! Поначалу я рассердилась на него: «Сейчас всех перемажет! Неужели нельзя было съесть раньше?» Но он и не собирался его есть. Одной рукой парнишка крепко держал эскимо за палочку, а ладонью другой прикрывал его от прибывающих и прибывающих пассажиров. Те косились на странного мальчишку и тут же, не дав себе труда задуматься над необычностью ситуации, начинали прохаживаться опять-таки насчет нынешней молодежи: и невежливая-де она, и старших не уважает, и широкие брюки, черт знает чем отороченные, носит, и вот в трамвай прямо с мороженым садится...

Паренек молчал, опустив глаза. А у меня внутри закипáло: я все давно поняла и, стыдясь своей первой реакции на это злополучное эскимо, готова была даже уступить мальчишке свое место, чтобы его перестали толкать и чтобы он не так мозолил глаза людям: ведь он вез мороженое ЕЙ, своей девчонке! В этом теперь не было никакого сомнения.

Наверное, сэкономил на школьных завтраках. А может, страдая от унижения, выпросил у матери этот гривенник на кино... Судя по плохонькому пальто и по синим, без перчаток рукам — дело было осенью,— это в семье не единственный ребенок. Но он все-таки купил ее любимое эскимо, радостный сел в трамвай, чтобы не топать по грязи, а главное, чтобы скорее добраться, и сто раз, верно, пожалел об этом...

Я встала, но мальчишка уже протискивался к выходу и на первой же остановке сошел. Сквозь простроченное каплями дождя стекло я еще некоторое время видела его чуть ссутуленную под холодным ветром фигурку и руки, все так же бережно, будто верующий свечку, держащие поблескивающее фольгой мороженое.

Никто из оставшихся в теплом трамвае не забеспокоился, на нужной ли остановке сошел паренек или гораздо раньше. Может, и вовсе не заметили его исчезновения — поворчали, покритиковали, а потом переключились на другое... И это, я уверена, не профессиональные злодеи, а те са-

С. Чуйков. ДОЧЬ СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ.

Джаид Джемаль. СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

ЖЕЛТОЕ ГОБИ.

мые люди, что умиляются, читая у Маяковского: «Две морковинки несу за зеленый хвостик...» (Нес тоже ей, возлюбленной!) Что плачут над Ромео и Джульеттой...

Только ли усталостью после рабочего дня или бытовыми неурядицами можно оправдать эту черствость? А разве не случается такое с утра пораньше или в выходные дни? Почему многие разучились вглядываться в чужие лица — вдруг кому-то плохо? Почему с годами в них притупилась такая распространенная у нас сердечная солидарность? Почему им ничего не стоило практически вытолкнуть под дождь в тот октябрьский день сегодняшнего Ромео?

Зато сколько заботы проявили они, когда в этот же вагон еле вскарабкался другой парень, постарше! «Ох, ты, палуба-палуба, ты меня раскачай...» — хрипло просил он. И его действительно качало и швыряло, как в девятибалльный шторм. Тотчас какой-то мужчина отечески взял его под руку, а какая-то женщина вскочила и усадила его на скамейку. А сама застыла рядом по стойке «смирно» — две битком набитые сумки оттягивали ей руки. И все соболезнующе смотрели на бессильно поникшую голову гуляки — умаялся, бедолага...

Почему этого поняли, а того нет? Не потому ли, что с подобным сталкиваешься чаще, чем, скажем, с мальчиком, везущим через весь город мороженое своей девочке? Нет, пожалуй, еще проще. Здесь все налицо: хочешь — посочувствуй, хочешь — пожури... И никаких загадок! А в том случае помозговать надо: что к чему... Короче, затратить и умственную и сердечную энергию. Но не все хотят расходовать эту ценную энергию на какую-то туманную «сферу чувств».

Зато рассуждать о нынешних моральных устоях не ленятся: это ведь не дело делать! И «рассуждают» чаще всего не в пользу современной морали: она им не всегда понятна, а ломать голову не хочется. Вот и расползается в разные стороны: «Никакой любви теперь нет. А если и есть, то не такая, как должна быть». Они ведь точно знают, какой любовь быть должна и какой не должна!

А она—к счастью и несчастью— многолика, как во все времена. Ранняя и поздняя. Рациональная и безоглядная. Легкомысленная и мудрая. Эгоистичная и жертвенная. Низменная и великая. Кому что по силам... Об одной из них я сейчас расскажу. А вы уж сами судите, какая она.

Лида умерла в коридоре, на каталке — не успели даже довезти до палаты. И на лице ее застыло выражение такой горечи, такого страдания, что даже у видавших виды санитарок оно вызывало сочувствие.

Это выражение никогда не было свойственно Лиде, хотя оснований для него имелась масса. Видно, что-то тревожило ее в эти последние мгновения, что-то осталось невысказанным, невоспринятым и потому не дало облегчения. О чем, о ком она думала в ту последнюю секунду, когда, обессилев, остановилось ее сердце?

В крематории было людно и многословно. Каждому хотелось сказать что-то хорошее об этой мужественной женщине, не совершившей вроде бы ничего героического. А Миша молчал. И все время смотрел и смотрел на ее скорбное, уже чужое лицо. Все пытался угадать ту—последнюю— мысль.

Буквально накануне, утром, она сказала ему:

— Знаешь, я ночью долго не спала: ты так тяжело дышал...

— Да? — удивился он.— И я не спал: мне показалось, что ты дышишь как-то не так...

И оба рассмеялись.

А теперь он стоит около нее, смотрит в ее неузнаваемое лицо, тонущее в ярких холодных цветах, и спрашивает, и впервые не получает ответа...

А люди все говорят, а люди все вспоминают...

— Если б вы знали, какая это была женщина! — вырывается у него, когда слов становится чересчур много. И все замолкают. И все затихают. И уже молча провожают ее, медленно уплывающую куда-то.

...Почти никто в университете не мог понять, почему такой интересный парень, как Миша, обратил внимание на Лиду. Худенькая, невзрачная, сильно хромающая, несмотря на многочисленные операции, она вызывала жалость и одновременно уважение за твердый характер, за стойкость, с которой переносила все напасти. Но чтоб такая любовь?! А Миша увидел в Лиде еще и то, чего другие не заметили: эта тяжелобольная, но всегда улыбающаяся девушка была не только сильным человеком, но и источником силы для других. Для него, в частности. Когда Миша раскисал, его ободряла Лида. Когда Миша терялся, выход из положения находила Лида. Когда Миша ошибался, строже всех его судила Лида.

Они поженились. Шли годы. И за это время не было ни одного дня, чтобы Миша утром не проводил Лиду на работу, а вечером не встретил ее у служебного подъезда. Старожилы тех улиц, по которым пролегал их маршрут, уже привыкли к этой паре — высокому, статному мужчине и небольшой, бледной женщине, тяжело опирающейся на его руку.

Лида часто ложилась в больницу — то одно сдавало, то другое. Миша дневал и ночевал там. Его знали все врачи и пропускали без звука. А когда однажды он заметил испуганно-брезгливое выражение на лице молоденькой медсестры, пришедшей делать Лиде перевязку, стал это делать сам.

У Лиды и Миши бывали немногие: хозяева не любили ни сочувствия, ни соболезнования, терпеть не могли отношения к себе как к ущербным. Но зато те, кто «удостаивался чести», еще долго после встречи с этой парой ходили под впечатлением чего-то чистого, жизнерадостного, искреннего, к чему прикоснулись.

В том доме всегда — при гостях и без гостей — было весело. Там всегда звучала музыка, декламировались стихи, велись разговоры о литературе, об искусстве. Лида с Мишей успевали читать, слышать, смотреть все самое интересное, самое спорное. Не потому, что они судорожно следили за новинками, дабы не отстать от жизни, а потому, что именно в этом и была их жизнь. Да еще в дочке — Ниночке.

Лиде запретили рожать: здоровье не позволяло. Но она ниче-

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Пустыня Гоби... И перед взором каждого, кто не был там, предстает, наверное, необозримое холмисто-серое плоскогорье с редкой и скупой желто-бурой растительностью. Мертвенная природа!..

А художник Джаид Джемаль, первый советский художник, побывавший в Гоби, рассказывает:

— Едва я приехал, как завеса мрачных легенд спала и древняя Гоби поразила, увлекла меня щедростью цвета, фантастичностью и многоликостью своих пейзажей, дружбой с человеком. Я не увидел безжизненной пустыни и не ощутил «мертвящего страха», о котором часто говорят. Передо мною был щедрый край, где трудятся люди, бьет ключом жизнь.

Пока машина идет через Гоби, пустыня непрестанно меняется. Только что все было зеленым вокруг, и вот уже пейзаж красный: базальтовые скалы, красноватая земля. Чуть погодя торжествуют типичные краски сухих плоскогорий — серая, жесткая земля, песок, черный камень... И вдруг все вспыхнет ослепительно белым: пустыня!.. Этот живой калейдоскоп захватил меня. Захотелось рассказать и показать всем, какая она на самом деле, легендарная Гоби. В голове уже складывался целый цикл картин о ней: «Зеленая Гоби», «Красная Гоби», «Желтая Гоби», «Серая Гоби», «Белая Гоби»... Ровно тридцать три пейзажа...

Сейчас у Джаида Джемаля уже готовы двадцать картин-пейзажей из цикла, посвященного Гоби. Целая выставка, которая и была недавно открыта в Центральном Доме литераторов. Две из экспонировавшихся там работ воспроизведены на вкладке номера. Вглядитесь в них внимательней, подольше, прочувствуйте тревожную и бурную, суровую и жизнерадостную красоту неожиданных и своеобразных цветовых сочетаний, подсказанных художнику землей Монголии, и вы словно побываете там сами. Вдохнете запахи обжитой человеком пустыни, услышите глухой, сотрясающий все вокруг конский топот, рев грузовиков... На другом пейзаже удивит вас, что причудливые коряги саксаула — дерева пустынь — похожи на фантастических существ, а склоны желтых гор будто курчавятся завитками овечьей шерсти... Удивляться вы будете потому, что то же самое поражало художника, когда путешествовал он по стране. Тем более, что Джаид Джемаль побывал там не раз и отнюдь не туристом. А однажды прожил в Монголии несколько лет. Преподавал живопись и рисунок в Улан-Баторском педагогическом институте и все свободное время посвящал поездкам, сбору материала для будущих картин. Но чем больше узнавал, тем неисчерпаемей казалась тема.

— Деревья, облака, горы Монголии... О них можно рассказывать бесконечно,— уверяет Джаид Джемаль.— И писать тоже. Я раньше думал, что те необыкновенные облака и деревья, которые я видел на полотнах монгольских живописцев, придуманы. А теперь убедился — все взято из жизни, списано с натуры. Облака в Монголии именно такие — объемные и фантастические, напоминающие формой то фигуры воинов и лошадей, то храмы... В искривленных жгучими ветрами ветвях саксаула нередко разглядишь замершую живую сценку, напрягшихся в схватке чудовищ...

А глянешь на желтые пески, лежащие полукружьями, сверкающими на солнце, как идеальной формы наточенный серп, и кажется, будто то не работа ветра — дело рук человеческих! Но вот налетел самум — песчаный вихрь, все изменилось: будто змей на своем хвосте пляшет, извиваясь, над просторами Гоби горячий черный столб.

И краски вокруг словно обжигают. На соляных копях возле городка Гурван-Тэс, вокруг густо-изумрудных озерков сверкает белизной ссыпанная в конусы соль, а вдали высятся темно-фиолетовые горы. И каждый цвет сияет во всю мочь, словно снята с него пелена воздуха, настолько воздух этот прозрачен.

Рассматривая насыщенные цветом, экспрессией холсты живописца, слушая его взволнованную речь, проникаешься его увлеченностью, понимаешь, отчего, проработав над монгольской темой семь лет, Джаид Джемаль признается, что отнюдь не исчерпал ее. Ведь нужно ему еще дополнить привезенную из Монголии портретную серию: подробнее и больше рассказать о косарях Баин-Гола, что скашивают в низинах Гоби такую ярко-зеленую траву, что на нее больно смотреть! О скотоводах-аратах, перегоняющих через плоскогорья несчетные стада и табуны. И, конечно, надо воспеть еще и замечательные архитектурные и исторические памятники древней Монголии — ее дворцы и храмы, украшенные диковинными статуями, скульптурными рельефами. Стены там увешаны красочными, сплошь расшитыми узором разноцветных аппликаций шелковыми полотнищами. По нескольку метров в длину и ширину! И эти ни с чем не сравнимые образцы монгольского национального искусства — аппликативная живопись, цвета которой горят ярче, сильнее самых интенсивных обычных живописных красок, тоже учили советского художника, родившегося в Азербайджане, в Нагорном Карабахе, воспевать Монголию. Переводить на поэтический язык образов, красок, линий ее особенный характер, самобытную красоту!

Вот и теперь, уже вернувшись на Родину, Джаид Джемаль словно бы и не расстался с полюбившейся, проникшей в сердце далекой страной. Все в мастерской художника напоминает сейчас о Монголии: яркие пейзажные холсты на стенах, портреты монгольских друзей, написанные с натуры, уздечки и седла, подаренные скотоводами, травы и камни, собранные в поездках по гостеприимной Гоби... Часто Джаид даже работает, облачившись в монгольский национальный костюм, как его друг скульптор Гэвшэ-хуу, чтобы, взяв кисть, встав к мольберту, полнее, зримее пережить каждую новую творческую встречу с Монголией. Всегда такую счастливую!

Э. ПОПОВА

го не хотела слышать. И ее фанатичное желание иметь ребенка победило: родилась девочка—крепенькая, симпатичная, с крупными Лидиными глазами. Она росла под стать отцу с матерью — ласковая, отзывчивая, работящая. Уже в семь лет она была хозяйкой в доме. Делала все быстро, ловко, постоянно мурлыча под нос какую-нибудь песенку. Когда Лида пыталась сама помыть посуду, Ниночка огорчалась так, словно в мытье посуды был заключен весь смысл ее существования и, если лишить ее этого, она станет самым несчастным человеком на свете.

Так бы и жить им, дружно да весело, но однажды с Мишиным сердцем что-то случилось. «Инфаркт»,— определили врачи и велели долго лежать, не шелохнувшись. И тогда все заботы пали на Лиду. Привыкшая всегда опираться на сильную руку мужа, она теперь всюду ходила одна — на работу, в магазины, в аптеку. Чего ей это стоило, пожалуй, знал только Миша. Да еще Ниночка, молча хватавшаяся за непосильные для нее дела.

Говорят, беда одна не приходит в дом. В те же дни тяжело заболела мать Миши, жившая за стеной. Умерла она неожиданно и тихо. Лида со спокойным лицом ходила от мертвой свекрови к неподвижно лежавшему мужу и рассказывала ему, что маме уже лучше, что была сестра, сделала укол... И так до тех пор, пока врачи не разрешили открыть ему правду.

Разве думал тогда Миша, опрокинутый навзничь болезнью, что она уйдет первой?

Когда Лида, вся в цветах, медленно уплывала куда-то, одна из ее подруг сказала, всхлипывая:

— Завидую я ей...— И, заметив на себе испуганные взгляды, пояснила: — Она была по-настоящему счастливая... Самая счастливая из нас...

Сейчас перечитала эти свои записки или раздумья (даже жанр не могу точно определить!) и посетовала, что взялась, наверное, за непосильное дело: тот, кто любит, и так знает, что любовь существует. А того, кто разочарован, я вряд ли сумею убедить... Хотя есть ведь еще и третьи — не столкнувшиеся ни с тем, ни с другим!

Пусть они не верят чужому «опыту». Пусть не пропагандируют чужие «выводы». А пусть лучше зайдут, коли представится такая возможность, во двор дома номер 12 по улице Готвальда, что неподалеку от Миусского сквера, и сами почитают стихи, «опубликованные» на асфальте. Полностью.

Они хорошо видны — и сквозь желтые, словно огромные веснушки, опавшие листья, и сквозь снежную порошу, напоминающую крупную соль на ломте хлеба. Им не страшны ни зимние вьюги, ни весенние ручьи. Ибо они про Любовь. И бороться с ними — как дворникам, так и «жизнезнатцам» — бесполезно.

Молю тебя: в тишайшей тишине,
Или под дождь, шумящий в вышине,
Или под снег, мерцающий в окне,
Уже во сне и все же не во сне —
Весенней ночью думай обо мне...

. . . .

РОМАН

5

Однажды позвонил Большой Джон. В отделе «Норд» все еще продолжался праздник, это Лидумс понял даже по голосу Джона.

— Мистер Казимир, не заедете ли вы к нам сегодня? — приветственно возгласил он.— Есть новости для вас!

— Благодарю. Буду,— коротко ответил Лидумс.

— Надеюсь, вы доберетесь в течение часа?

— Обязательно!

Лидумс привычно остановил свою машину за квартал от здания «Норда» и дальше пошел пешком. Внимательно оглядевшись, он нырнул в небольшие ворота, выходившие в переулок. Он запомнил, что посетители «Норда» всегда норовили войти не с парадного входа, а из этого незаметного переулка.

В кабинете Большого Джона сидел сияющий Роберт Ребане.

На этот раз его жесткое квадратное лицо, всегда хмурое, злое, распустилось в улыбке. Лидумс невольно подумал, что вот так, наверно, Ребане выглядел в первые дни войны, когда ему казалось, что он сможет отомстить большевикам и за отнятые земли и за потерянные чины, до которых он дослужился в эстонской армии. Недаром же он оказался таким необходимым в те дни для немцев. А теперь этот осужденный, но не пойманный военный преступник нужен англичанам...

— Ну, что вы скажете, Казимир,— шумно встретил Ребане Лидумса,— мои парни прорвались-таки за «железный занавес», минуя вашего хваленого Будриса!

— Очень рад! — широко улыбаясь, ответил Лидумс. Он пожал руки Большому Джону и Ребане, хотя в эту минуту ему больше всего хотелось схватить со стола литую медную пепельницу и ударить эстонца по голове. Но прежде всего надо было отразить атаку. Большой Джон опять был весь внимание, и Лидумс невольно подумал: а не с дальним ли прицелом устроена эта встреча с Ребане? И весело продолжал: — Чем больше мы откроем дорог и тропок, тем больше наших людей будут ждать дня «Д», ради которого мы и работаем!

— А ведь Казимир прав! — воскликнул Джон.— Это отлично, что ваши парни нашли новую лазейку! Теперь мы сможем направлять людей и по другому пути...

«И контролировать мой путь!» — подумал Лидумс. Но вслух с еще большим воодушевлением сказал:

— Похвалитесь, похвалитесь, Роберт! На вашем месте я бы тоже хвалился! Что сообщают ваши посланцы?

— О, они уже на подходе к очень важным данным! — откровенно радуясь, продолжал Ребане.— Недаром я всегда верил этим парням! Да они и шли к людям, хорошо известным нам еще по довоенным годам. Признайтесь, Казимир, что старые друзья — это не то что какие-то «лесные кошки», отсиживающиеся в курляндских болотах! Это люди интеллектуального склада! Они-то лучше знают положение в стране.

— А я бы все-таки не стал так иронизировать над «лесными кошками». Пока ваши интеллектуалы отсиживались в своих пышных квартирах, «лесные кошки», как вы их называете, дрались! И почему бы иначе «Норд» присвоил не столько «кошке», сколько «лесному котенку» Делиньшу имя «Барс» и поручил ему охранять в этих курляндских лесах лучших разведчиков «Норда»?

В это время позвонил Вилкс. До него тоже дошли сведения, что с востока получены новые известия.

Большой Джон сообщил, что «именинники» у него. Кажется, этому опытному человеку даже нравилась все разгорающаяся ссора между Ребане и Лидумсом. А может быть, из привычной осторожности он пытался как-то перепроверить радиограммы Тома. Во всяком случае, он немедленно пригласил Вилкса к себе.

Ребане примолк. Вероятно, придумывал еще какие-нибудь доводы, чтобы унизить Лидумса и всю группу Будриса. Лидумс успел заметить, что помощников Маккибина и полковника Скотта постоянно разделяла некая ревность. Каждая группа пыталась доказать, что именно ее деятельность приносит удачу. Если Ребане ратовал за «эстонский» вариант, то литовцы тут же предлагали свой «литовский» план, Вилкс немедленно принимался восхвалять доблесть своих латышских друзей. Лидумс старался не вмешиваться в эти мелкие дрязги, но и из мелочей можно извлечь порою некоторую пользу. Поэтому он был рад появлению Вилкса.

С Лидумсом Вилкс в последнее время держался холодно. Он знал, что в отделе все еще идет проверка гостя, и не хотел вмешиваться в это «грязное» дело. О своем отношении к проверке он рассказал Лидумсу, возможно, и помогал ему чем мог, но любовь свою перенес на одного Будриса. Лидумс ему не навязывался, он понимал, что похвалы Будрису все равно косвенным светом озаряют и его самого.

Вилкс появился на пороге в темном костюме из отличного твида, в меру помятом, чтобы он не походил на только что полученный от портного, в отличной сорочке с янтарными запонками и янтарной булавкой в галстуке, купленными в Риге. Невзирая на всю свою почтительность к заместителю начальника отдела Большому Джону и его консультантам Лидумсу и Ребане, он осмелился пошутить:

— Как я слышал, есть свежие лавры? Мистер Ребане, отдайте их мне, и я приглашу вас на уху из молодого осетра с лавровым листом! Бульон сделаю тройной, по нашему рыбацкому обычаю: сначала отварю мелкую рыбешку, отожму, выкину, подброшу несколько рыбин покрупнее, тоже выну, а уж потом заряжу бульон крупными осетрами. Пальчики оближете!

Большой Джон, впервые, наверно, услышавший такой оригинальный рецепт приготовления ухи, заулыбался. Но Ребане не принял шутку. Он сухо спросил:

— Вы были в Риге, Вилкс, и прожили

Продолжение. См. «Огонек» № 43.

там полгода. Как, с вашей точки зрения, там можно легализоваться?

— У нас были документы электриков, и этого оказалось достаточно. Но мы все-таки держались осторожно.

— А откуда вы вели передачи?

— И из Риги и из Майори...

— Ну, вот видите! — как будто решая какой-то спор, обратился Ребане к Большому Джону.— Значит, там можно работать.

Вилкс почувствовал себя уязвленным. Получалось, что он, Вилкс, не сумел обосноваться в Риге и бежал в лес, а какие-то другие парни, Том и Адольф, преспокойно ведут передачи из Риги, и их никто не беспокоит. Он язвительно добавил:

— Я забыл только сказать, что из Майори мы еле унесли ноги после первых пяти минут передачи. Пеленгаторы проползли прямо под окнами. Мы едва успели спрятать передатчик.

— Значит, вам просто не повезло,— равнодушно сказал Ребане.— А мои ребята в первой же передаче сообщили отличные данные о работе рижского порта.

— Рижский порт?

Вилкс нахмурился, и Лидумс понял, что похвальба Ребане сильно задела его.

Николай **АСАНОВ**,
Юрий **СТУРИТИС**

Рисунки В. ВЭТРА.

Наверно, вспомнил, чем кончилась его попытка завербовать бывшего дружка, работавшего в порту механиком. Тогда он схлопотал по физиономии и еле ушел от чрезмерно бдительного и полностью перевоспитанного бывшего приятеля. Но рассказывать об этом Вилкс не стал, только жестко сказал:

— Я с удовольствием поздравлю вас, мистер Ребане, если ваши парни передадут не одну, а десяток радиограмм. Но я-то знаю, что лучше всего им было бы действовать через Будриса.

Ребане поморщился, и Лидумс понял, что не следует перегибать палку. Ребане — опасный противник для такого бесшабашного человека, как Вилкс. А Вилкс пока еще очень нужен в комбинации Вилкс — Лидумс — Будрис. Лидумс осторожно предложил:

— Может быть, попросить Будриса направить кого-нибудь в порт?

— Как, вы проверяете моих парней? — возмутился Ребане.

— Наша задача — проверять и перепроверять! — отрезал Большой Джон.

— А что, мистер Джон, это правильная идея! Если Будрис пошлет в порт Юрку, от того ничто не укроется! — поддержал Вилкс.

— Кто такой Юрка? — вдруг живо заинтересовался Большой Джон.

— Бывший работник вентспилсского порта. Работал там помощником стивидора еще при немцах. Юрка мне сам говорил, что Будрис давно предлагает ему легализоваться, даже «чистые» документы достал для работы в порту, но Юрке жалко оставлять товарищей...

— Это ваш человек, Казимир?

— Да,— неохотно сказал Лидумс.— У него тяжело больна мать, поэтому Будрис предлагал ему легализоваться. Но парня увлекла романтика.

— Черт возьми, вот это находка! — с несвойственной ему пылкостью проговорил Большой Джон.— Мистер Казимир, подождите меня, кажется, есть интересный разговор! Я покину вас на минуту!

Он вышел, а Вилкс и Ребане уставились на Лидумса: Вилкс удивленно, Ребане — сердито. А Лидумс размышлял о другом: если Том и Адольф были арестованы сразу после выхода в эфир, то к чему было Будрису выпускать «умершего» для англичан Тома после двух месяцев молчания? Придется ждать. И быть еще осторожнее, хотя он и так ничем не показал интереса ко второму рождению Тома и Адольфа. Но у Будриса, несомненно, есть железная цель. Как хорошо было бы поговорить сейчас со старшим товарищем! Увы, это невозможно...

Вернулся Большой Джон, коротко кивнул Ребане и Вилксу прощаясь, а Лидумса взял под руку:

— Вам, мистер Казимир, придется немного задержаться...

6

Этот высокий, длиннолицый англичанин никогда не носил форму. Внешне он был похож на министра больше, чем любой настоящий министр. И хотя все звали его полковник Скотт, никто не знал ни его настоящего чина, ни его подлинного имени.

Перед светлыми очами полковника Скотта и предстал Казимир, сопровождаемый Большим Джоном.

Полковник благосклонно осведомился о здоровье мистера Казимира, о том, как нравится ему Лондон, и Лидумс кратко ответил, что на здоровье не жалуется, что во владениях ее величества дышится легко и свободно, но что ему не хватает активной деятельности — в лесу он привык быть всегда под напряжением...

Полковник Скотт улыбнулся, пошутил:

— Не вздумайте стрелять в наших полисменов...

— О, мы и у себя в лесу давно сократили количество выстрелов,— пожаловался Казимир.— Наш руководитель считает, что следует оберегать людей, которым еще придется возглавлять решительную операцию по освобождению Латвии.

— Я с ним вполне согласен,— чуть строже сказал Скотт.

— Но молодые рвутся в бой,— начал было Казимир, однако тут полковник внезапно спросил:

— У вас, кажется, есть люди самых разных профессий?

— Да, если считать и наших пособников — так мы называем легализовавшихся участников группы.

— Бывшие моряки?

— Наш руководитель и сам отличный моряк. В нашей группе есть еще двое.

— По словам Джона, Вилкс назвал какого-то Юрку?

— Это просто портовик. Был помощником стивидора в порту Вентспилс.

— Он может легализоваться?

— Только в случае крайней необходимости. Что поделаешь, фанатически не любит большевиков и чекистов. Два его старших брата погибли в лесных боях.

Скотт помолчал немного, постукивая своей дымящейся пенковой трубкой по столу, затем спросил:

— Наш офицер, преподающий стратегию и тактику подпольной борьбы, говорил вам, вероятно, о новых возможностях проникновения по ту сторону «железного занавеса»?

— Только о порядке связи с прибывающими в Советский Союз туристами, студентами, актерами, которыми начали обмениваться русские с западными странами...

— Вот-вот! — оживился полковник.— В связи с этой акцией Советской страны, а также с учетом расширения торговых и мореходных связей возникает масса проблем. Правда, иные ретивые головы,— с осуждением произнес он,— готовы на этом основании свернуть подлинную агентурную разведку и все функции возложить на этих профанов-туристов, как будто большевики будут возить их в те места, которые нас больше всего занимают! — Он поморщился от досады, затянулся, прячась в табачном дыму.— Особенно по душе пришлась эта идея американцам — впрочем, все их попытки прорваться в Россию неизменно проваливались! — подчеркнул он.— Однако отвергать эту идею бессмысленно: кое-какие данные мы, несомненно, можем получить и через туристов, и через студентов, и через наших славных моряков, особенно если сумеем хоть немного подучить их новой для них профессии. И тут, джентльмены, на нашей стороне та самая романтика, о которой так холодно отозвался мистер Казимир!

Он говорил уже с таким воодушевлением, как будто выступал на приеме у министра или по меньшей мере в генштабе. Возбужденно тыча коротким мундштуком в сторону Казимира, он пытался дать своим посетителям понять, какое количество — пусть и разрозненной — информации будет поступать в разведцентр, если умно сформулировать перед отъезжающими в Советский Союз людьми интересующие правительство Великобритании вопросы. Он как будто и забыл, с чего начался разговор, он восхищался своим предвидением и вниманием слушателей. Но когда показалось, что полковник совсем уже затоковался, как старый глухарь на весенней просеке, он вдруг деловито спросил:

— И этого Юрку можно устроить в вентспилсском порту?

— Я думаю, да,— осторожно ответил Лидумс.— Будрис уже говорил ему об этом, когда выяснилось, что мать Юрки тяжело больна. Тогда у нас было крайне трудное положение, «синие» запеленговали станцию Вилкса, и мы уходили от них по двадцать километров в день, прорываясь то в одну сторону, то в другую, пока наконец не оставили их с носом. Все вконец устали, неделю не ели ничего горячего, и Юрка совсем ослаб. Но тут он заупрямился, не желая покидать друзей в таком тяжелом положении. Да к тому же еще в районе, где мы осели, пособники были только у Юрки, и он уговорил Будриса оставить его. К счастью, потом мы получили от Будриса весточку, что Юркина мать выздоровела. Но документы для него приготовлены. Однако должен предупредить, что Юрка — хороший стрелок, прекрасный конспиратор, может быть, отличный стивидор, но он не разведчик, он не знает рации, шифров, тайнописи и ни разу не порывался хоть что-нибудь узнать в этой области. В сущности, он прирожденный исполнитель, то есть солдат...

— Вы слышали, Джон, какая точная характеристика? — восторженно заметил полковник.— Если бы в наших отделах так умели характеризовать своих людей, скольких провалов мы могли бы избежать! — И снова обратился к Лидумсу: — Но, дорогой мой Казимир, на роль «почтового ящика» он подойдет?

— Ну, чужие тайны из него и клещами не вырвешь! — улыбнулся Лидумс.— В сущности, он у нас лучший связной с местным населением. Да у него и физиономия такая, что лучше не придумаешь! — воодушевился он.— Представьте себе этакую луно-

образную веселую физиономию, неподражаемое знание всех диалектов Латвии — он может с одинаковым успехом выдать себя и за латгальца, и за курземца, а понадобится, так и за немца, да еще и по-английски, как он это называет, «спикает» (в порту подучился), и вот вам облик латыша-весельчака, который кого угодно расположит к себе. А уж рассказать какую-нибудь веселую или печальную историю лучше него никто, пожалуй, во всей Латвии не сумеет...

— Но это же настоящая находка! — воскликнул полковник.— Джон, вам надо немедленно связаться с Будрисом. Попросите перебросить этого Юрку в Вентспилс. В Ригу засовывать его не следует, пусть там пока действуют люди, подготовленные Ребане, а Вентспилс мы должны оседлать немедленно.

Он весело попрощался с мистером Казимиром, как будто получил от него дорогой подарок. Впрочем, Лидумс и сам понимал, каким дорогим подарком оказался бы для полковника послушный агент в порту, который ежегодно посещали сотни судов под флагами всех стран и наций. И даже пожалел бедного Юрку. Если бы старший стивидор вентспилсского порта Арнольдс Лидака знал, в какую кашу сует его любимый командир! А что будешь делать? Коли уж полковнику Скотту подсказали идею использовать безобидный туризм и торговые или культурные связи для «тотального» шпионажа, он змеей станет извиваться, но посадит в Вентспилсе своего агента. Так пусть это будет Юрка, он же Арнольдс Лидака, бывший старший стивидор порта, вот уже два года находящийся в нетях. Да и Будрису будет нелегко вернуть Арнольдса Лидаку в порт. Правда, его тогда отозвали из порта под тем предлогом, что он едет учиться на командные курсы морского флота в Ленинград... Но вернется-то Лидака на прежнюю должность. Впрочем, Лидака отшутится, скажет, что предпочитал два года изучать пивные, рестораны и танцплощадки прекрасного города Ленинграда... Что с него возьмешь, шутник же!

Успокоив себя этим, Лидумс решил больше в судьбу Юрки не вмешиваться. Пусть этим занимается Большой Джон. Сам Лидумс только прогулялся однажды вечером на вокзал в Черинг-Кросс и отправил там открытку по одному рижскому адресу, в которой сообщал некоей особе женского пола о своей вечной любви.

7

А Ребане продолжал наживать политический капиталец. Его посланец Том отвечал из Риги на все вопросы.

В пятницу вечером в особняк на Фрост-стрит (так называлась маленькая улочка, на которой жил Лидумс) позвонил Большой Джон.

— Мистер Казимир, чем вы заняты?

— Пишу обзор для министра Заринына,— поддразнил его Лидумс.

— Жаль, что отрываю вас от дела, но все же прошу приехать к нам.

— Хорошо, приеду,— не скрывая своего неудовольствия, ответил Лидумс.

Он вывел машину из гаража, проверил указатель бензина (Моррис знал свое дело, баки полны), нажал кнопку звонка в гараже, и Моррис, не выходя из привратницкой, открыл ворота. Несколько минут езды привели Лидумса в равновесие.

Навряд ли Большой Джон очень желает столкнуть лбами его и Ребане. Скорее всего некоторое недоверие к Тому и его «работе», как бы нечаянно выраженное при помощи Вилкса, сыграло свою роль. Большой Джон тоже достаточно недоверчив. Если он столько времени проверял (или все еще проверяет) Казимира, то почему он должен верить Ребане и его воскресшему Тому на слово? Мистер Казимир хорошо знает Ригу — так, наверно, думает Большой Джон — привлечем его для экспертизы! Ну что ж, будем давать советы... На то ты и утвержден «экспертом по восточным делам при разведке ее величества королевы»... И даже получаешь солидное жалованье. А жалованье надо отрабатывать.

Он оставил машину в том же переулке, прошел в кабинет Большого Джона и, едва поздоровавшись, услышал ликующий возглас Роберта Ребане:

— А Том-то! Вот молодец! Дал сводку почти по всем промышленным предприятиям Риги! Ах, простите, мистер Казимир, я и не поздоровался с вами!

Лидумс пожал вялую руку Ребане, ответил сдержанно, однако вполне дружелюбно:

— Рад! Рад! Как же это ему удалось?

Вилкс, присутствовавший тут же, поморщился. Однако и он ничего не мог возразить Роберту Ребане, которого не любил за грубое чиноначалие. Радиограмма была вполне точная. Правда, Тому не удалось проникнуть на ряд крупных заводов, однако он сообщал, что находится «на подходе». Кроме того, он намекал, что имеет возможность получить некоторые данные о противовоздушной обороне Риги (этим занимается Адольф), и просил подкрепить его деньгами «через известный почтовый ящик».

Эта радиограмма настораживала. Было похоже, что Том и Адольф и на самом деле где-то отсиделись и теперь действуют довольно успешно. Лидумс даже выругал Будриса: «Эх, прошляпил этих сопляков!» Но снова сообщить о них Будрису у него долго не будет возможности! Остается один путь: осторожненько посеять настоящее недоверие к этим воспитанникам мистера Ребане, а заодно и самому Ребане прищемить его лисий хвост...

Большого Джона долго не было: видимо, он звонил не отсюда, а от кого-то из начальства. А когда он появился, неся портфель, закрепленный металлической цепочкой за запястье, стало понятно, что отсутствовал он по важным делам. Да и был он что-то слишком официален. Видимо, разговор с начальством был не из приятных.

Лидумс сделал вид, что ничего не заметил, и, пока Большой Джон отмыкал с руки наручник портфеля, спросил:

— Скажите, мистер Ребане, Том сообщил, чем объяснялся перерыв в связи после условного дня выхода и до февраля?

— Меняли место пребывания,— сухо сказал Ребане.

«Ах ты, лиса, лиса!» — подумал Лидумс. Разве не хитростью и ловкостью отличалась лиса в фольклоре всех народов, избравших именно ее синонимом коварства! Интересно, что еще придумает Ребане-лиса для унижения Будриса, Лидумса, Вилкса и его группы? А Ребане как раз о Будрисе и заговорил:

— Мистер Джон, у Тома есть интересное предложение. Он и Адольф связались с двумя национально мыслящими латышами. Естественно, они произвели тщательную проверку этих лиц. Это бывшие служащие немецкой полиции времен оккупации Риги. Теперь им угрожает так называемое «разоблачение». Кто-то из подвергшихся в свое время их преследованию встретился с ними в Риге, и они опасаются ареста. В то же время они буквально начинены нужной нам, по словам Тома, информацией. Том просит разрешения перебросить их в группу «лесных братьев», о существовании которых эти лица знают по доходящим до Риги слухам, да и сам Том был наслышан еще здесь. Он считает, что это, безусловно, преданные люди и могут принести известную пользу. Он просит у нас координаты Петерсона или Густава. Это поможет Тому и Адольфу завоевать доверие и этих лиц и их друзей, что для них очень важно!

Большой Джон закончил возню с портфелем, сунул его в сейф и теперь с интересом смотрел на Ребане. Потом обратился к Лидумсу:

— Ваше мнение, мистер Казимир?

— Я думаю, у мистера Ребане есть и другие мотивы?

— Пожалуйста, мистер Ребане!

— Том полагает, что курляндская группа имеет прямые связи через море с нами. Во время очередной морской операции нам нетрудно будет эвакуировать их сюда, а это даст нам исключительно важный материал, который не может быть передан по радио.

Большой Джон задумчиво сказал:

— Предложение несомненно заманчивое. Мы имеем возможность спасти двух преданных людей от преследований Чека и прежде всего получить кое-что интересное... Что вы скажете на это, мистер Казимир?

— Меня тут занимает пока что только один вопрос. Мистер Ребане так рьяно отстаивал самостоятельность своей группы, что даже не разрешил Тому и Адольфу идти через группу Будриса. И вдруг сами его воспитанники ищут теперь этой связи. Я считаю всякое проникновение непроверенных людей в группу Будриса извне опасной. Дело даже не в том, кто они. Группа находится в тяжелых условиях постоянного преследования. А вдруг этим господам, уже давно отвыкшим от условий военного времени, такая жизнь придется не по нутру? Допустим, они захотят уйти? Естественно, мы не можем удерживать людей насильно. Ну, а потом? Если они все-таки попадут в руки Чека?

— Но их действительно можно вывезти в Англию! — горячо запротестовал Ребане.

— Вилкс, сколько времени вы ожидали выхода в Англию? — сухо спросил Лидумс.

— Год и десять месяцев! — резко ответил Вилкс.

— Но информация! — напомнил Большой Джон.— Может быть, это интересные документы или фотографии? Мы пока еще не имеем возможности пользоваться бильдаппаратами, которые передают фотографии по телеграфным проводам и даже через эфир.

— Я лично против такого рискованного эксперимента. Но если мистер Ребане настаивает, я не стану излагать мою точку зрения полковнику Скотту или Маккибину. Проще всего запросить мнение самого Будриса. Он лучше знает положение и в группе и в городе. Наконец, он может дать совет Тому, но только через нас, через Лондон. Может быть, он укажет этим двум лицам какие-то безопасные адреса или раздобудет для них безопасные документы. Но его мнение узнать просто необходимо, а до этого мы не можем отвечать Тому на его предложение, разве что сообщить: вопрос рассматривается.

— Вы разговариваете так, словно группа Будриса — ваша личная собственность! — сердито возразил Ребане.

— Простите, мистер Ребане, но я отвечаю за ее безопасность, хотя и нахожусь далеко от моих друзей. И вот еще что: если вы рискнете лично передать какие-то координаты группы Будриса, ставшие, возможно, вам известными по роду работы в отделе «Норд», то я не могу ручаться за безопасность тех, кто ими воспользуется. В одной из своих радиограмм Будрис уже предупреждал об этом. Подпольная борьба более жестока, чем открытая война, в лесу пленных не берут!

Лицо Лидумса стало таким жестоким, что и Ребане и Большой Джон невольно замолчали. Только после длинной паузы Большой Джон примирительно сказал:

— Мистер Казимир во многом прав. Я думаю, прав он и в том, что советует обратиться непосредственно к Будрису. Только Будрису известно положение дел в группе, мы отсюда можем лишь дать какой-то совет. Подготовьте запрос в группу Будриса и изложите пожелание Тома, мистер Ребане...

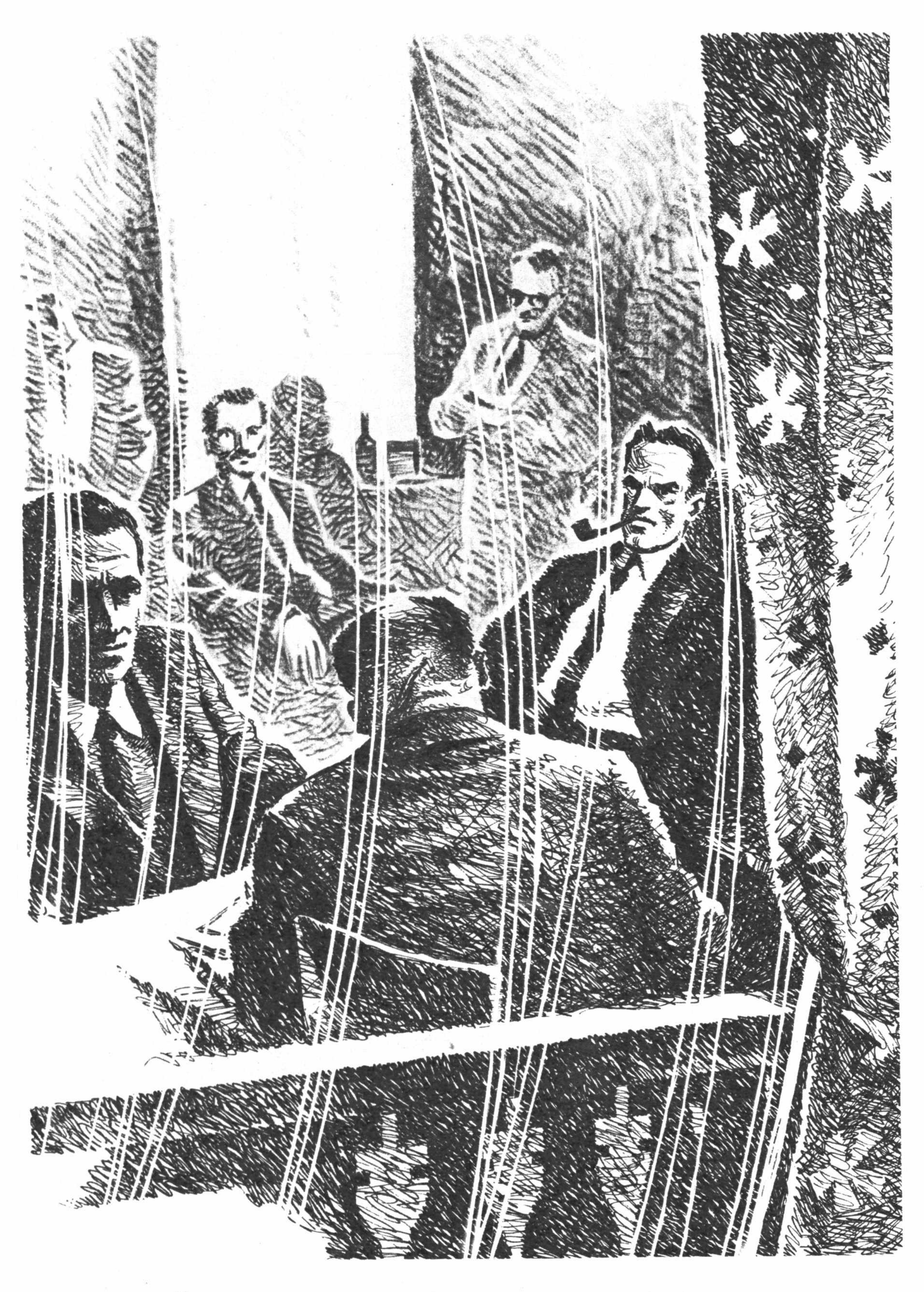
— Хорошо! — не очень любезно ответил Ребане.

— Полковник Скотт приглашает вас, господа, на совещание в среду, в два пополудни,— строго официально произнес Большой Джон, словно и не расслышав резкого тона эстонца.

Все молча вышли из его кабинета. За дверью разошлись, даже не взглянув друг на друга.

Но вечером Лидумса навестил Большой Джон. Ничего не объясняя, он рекомендовал Лидумсу держаться осторожнее.

Они посидели больше часа, потягивая коктейли. Большой Джон был чем-то встре-

неизвестный господин в визитке, белом галстуке и черных брюках — то ли он пришел с какого-то званого завтрака, то ли собирался прямо отсюда на званый обед. Он все поигрывал брелоками на цепочке, прикрепленной к жилетному карману с часами, так что можно было подумать, не спрятан ли у него в кармане минифон.

Подчиненные служащие собрались отдельной группой, к ним присоединился и Вилкс. Ребане стоял в центре — сегодня был его день! — и перебрасывался снисходительными фразами то с тем, то с другим из разведчиков. Лидумс устроился у противоположной стены и рассматривал портрет королевы. Елизавета была написана во весь рост, в коронационном костюме багрового тона, отделанном горностаем, лицо было невыразительно, но приукрашено художником (на фотографиях она выглядела проще).

Хотя совещание было чисто военного характера, все были в штатском, и внешне это походило на деловой разговор в правлении какой-нибудь торговой фирмы. Только эта фирма торговала военными секретами и кровью.

Ни Маккибин, ни полковник, никого из присутствующих не представляли, но Лидумс видел, что господин в визитке внимательно разглядывает его. Значит, он знал все обо всех присутствующих. Но Лидумс уловил и недоуменный взгляд Ребане и понял: лиса Ребане видит его впервые.

— Мистер Ребане! — четко, но мягко произнес Маккибин. — Мы хотели бы послушать вас!

Все двинулись к длинному столу, на котором лежали заранее подготовленные документы.

Ребане поднялся над столом. Держался он гордо, даже надменно, но Лидумс понял, что Ребане нервничает: у него подрагивали пальцы, когда он начал перелистывать бумаги, лежавшие перед ним.

Но заговорил он довольно спокойно. Приучился сдерживаться в присутствии начальства, понял Лидумс. Не те времена, когда он сам властвовал над жизнями тысяч людей, как это было в эсэсовских частях Гитлера. Здесь он, несмотря на всю его гордость, всего лишь мальчик на побегушках и понимает это. Вот почему ему так хочется доказать этим надменным господам, что он тоже не лыком шит!

— Подготовленные в моей секции Восточной разведывательной школы молодые люди, — начал Ребане, — назовем их Том и Адольф, благополучно проникли за «железный занавес» весной прошлого года. Некоторое время они «акклиматизировались», затем вышли в эфир. Передачи ведет Том, Адольф является «прикрывающим». За прошедшие три месяца они достигли больших успехов. Вот меморандум основных их сообщений! — Он потряс над столом пачкой бумаг. — Мы получили полные данные о мобилизационной возможности рижского порта, список и схему расположения рижских предприятий, данные о новой технической оснащенности некоторых аэродромов противовоздушной обороны, расположенных в Латвии. В ближайшее время Том обещает передать данные о дислокации гарнизонных частей и их составе. И все это сделано моими воспитанниками в самый короткий срок!

Тут он обвел всех ликующим взглядом. Господин в визитке улыбнулся в ответ, Маккибин и Скотт переглянулись. Лидумс подумал: «Под эти данные Маккибин, наверно, получит дополнительные ассигнования!»

В это время он уловил на себе мстительный взгляд Ребане: ликования в этом взгляде уже не было, он готовился съесть Лидумса или, во всяком случае, поджарить его, чтобы Маккибину блюдо показалось вкуснее. И опять подумал: «Ах, Будрис, Будрис, что бы тебе изучить эту проклятую парапсихологию, может быть, ты прочитал бы мои мысли и понял, что мне очень нужна поддержка! Что происходит там, у тебя?»

— Я хочу обратить внимание собравшихся господ на то именно, что смелому и ловкому человеку или двум людям было доста-

вожен. Он много расспрашивал Лидумса об условиях подпольной работы в Латвии; действительно ли латышские чекисты так проницательны, как об этом говорят немногие, к сожалению, беженцы из страны; как относится население маленьких городков и хуторов к посторонним лицам — радушно или с подозрением; каковы условия прописки и проживания без прописки в Риге и других крупных городах Латвии и о многом другом. Но Лидумс понимал, что все эти вопросы связаны с одним: англичане относятся с подозрением к Тому. И объяснял спокойно: да, в Латвии пришельцу трудно. В прошлом году Густав погиб именно потому, что шел один... На «лесных братьев» чекисты постоянно устраивают нападения, которые пришлось вынести и Вилксу. Трудно, трудно...

8

Совещание у полковника Скотта скорее напоминало какой-то непринужденный дипломатический раут, тем более что, кроме англичан, тут присутствовали и эстонец Ребане, и литовец Жакявичус, и латыши Лидумс, Вилкс и Силайс.

Роль хозяйки взяла на себя мисс Нора. Она смешивала коктейли, раскладывала на тарелочки крошечные сандвичи. Не было только лакеев, каждый из присутствующих сам подходил к столу и наливал себе какое-нибудь питье или получал бокал из рук Норы. Но едва кто-либо заговаривал, остальные умолкали, внимательно слушая, да и бокалы никто не торопился осушить — под строгим взглядом Скотта пить как-то не хотелось.

Главным украшением зала являлся портрет королевы, под которым в непринужденной позе устроился полковник Скотт, покуривавший свою привычную трубку. Бокал с вином он поставил на столик с телефонами и не притронулся к нему. У столика стоял Маккибин, державший бокал в руке, но тоже не пивший. Третьим в этой начальнической группе оказался какой-то

точно такого короткого времени. Но вот перед нами оборотная сторона медали: в той же Латвии находится хорошо экипированная и вооруженная англичанами группа Будриса. Здесь присутствует мистер Казимир, представитель этой группы, который может подтвердить мои слова. И что же успела сделать эта группа? А между тем Будрис и его подчиненные категорически настаивают на том, чтобы все связи с Латвией находились под их контролем. Не слишком ли это много за те крохи, которые они дают? Я предлагаю перебазировать часть нашей работы в Прибалтике на группу Тома и его добровольных помощников. Господин Казимир утверждает, что такой параллелизм вреден, но опыт группы Тома...

— Не только вреден, но и опасен! — перебил его Лидумс.— А кроме того, вы, мистер Ребане, неточно излагаете позицию Будриса, хотя она вам и известна. Будрис никогда не настаивал на том, чтобы все связи Запада с Латвией шли через него. Во-первых, это не в интересах нашей группы, так как чревато дополнительными опасностями, а во-вторых, любая обособленная группа, действующая отдельно и по собственной программе, может принести пользу нашему общему делу...

— Прошу меня не перебивать! — глухо сказал Ребане.

— Продолжайте, мистер Роберт! — добродушно произнес Маккибин. Его, видимо, заинтересовало предложение Ребане.

Тихо приоткрылась дверь, вошел референт радиоотдела и положил перед мисс Норой папку с радиограммами. Нора просмотрела их и передвинула Маккибину. Лидумс больше не слушал Ребане. Вернее, он отмечал про себя лишь те пункты в его утомительно длинной речи, по которым потом можно будет возразить. Он следил за тем, как радиограммы от Маккибина перешли в руки полковника Скотта. Тот мельком просматривал их, время от времени милостиво кивая неутомимому Ребане.

Лидумс перебросил Норе записку: попросил передать радиограммы Тома или сводный меморандум. Нора показала записку полковнику, тот кивнул, и вот меморандум на тридцати страницах оказался под рукой Лидумса. Ребане, закончивший свою длинную речь, посмотрел на Лидумса довольно зло, но протестовать не стал.

А Лидумс просматривал радиограммы Тома и все думал о самой странной фразе Будриса в той радиограмме, которая попала ему в руки несколько дней назад: «Мирдза регулярно получает его письма, которые готовит Янко, правда, не очень умело: подводит почерк...»

Теперь он видел эти «письма» и видел почерк, которым они написаны...

Совершенно неожиданно не только для Лидумса, но, кажется, и для всех присутствующих сразу после Ребане заговорил Маккибин. И совсем не о Томе и Адольфе. Он кратко и холодно сообщил, что недавно получены сведения о провале в Латвии группы американских разведчиков, которых возглавлял некий Бромберг.

Центральное разведывательное управление США так гордилось «работой» своего детища — Бромберга, что отказалось подключить к его группе английскую разведку. Более того, американцы не захотели поделиться добытой Бромбергом информацией. Отделу «Норд» пришлось действовать на свой страх и риск, параллельно с уже «прижившимся», казалось бы, Бромбергом, что всегда, сказал Маккибин, приводит к излишним опасностям. И вот работник английской разведки вынужден уйти в «подполье», а Бромберг скоро предстанет перед советским судом...

Маккибин ставил на рассмотрение собравшихся несколько вопросов: какими средствами и силами располагают органы контрразведки стран социалистического лагеря; чем можно объяснить столь частые провалы засланных в пределы этих стран представителей иностранных разведок; какие типичные ошибки могут быть совершены прибывшим в такую страну разведчиком? Все эти вопросы, сказал Маккибин, необходимо тщательно исследовать, чтобы сократить количество возможных провалов при засылке своих людей. Тут он, как и полагается представителю торговой нации, упомянул о том, как дорого стоит подготовка разведчика, особенно если это работник высокого класса. А Бромберга американцы называли в числе самых лучших своих воспитанников...

Лидумс невольно подумал, что вся эта речь построена так, чтобы вызвать на откровенный разговор именно его. По-видимому, англичане и сами не очень верят успехам Ребане, хотя и благодарят его за полученные от Тома сведения. Он уже успел мельком проглядеть эти сведения. Были среди них и отлично разведанные подлинные данные, но большая часть могла оказаться типичной дезинформацией, построенной так, чтобы Лидумс, если ему случится познакомиться с этими радиограммами, понял это. Вот, например, радиограмма Тома о наличии под Ригой на аэродроме в Спилве тяжелых бомбардировщиков (по словам Тома, местные жители называют их «ТУ-95»). Не специально ли для Лидумса подброшен этот материал?

Маккибин предложил высказываться по «делу» Бромберга и дал слово сидевшему рядом Силайсу. Лидумс понял: разговор пойдет по кругу, его очередь еще далеко, он успеет изучить все «письма», которые получает Мирдза...

Да, большая часть их была насыщена искусно смонтированной дезинформацией. И только один человек, именно Лидумс, мог разгадать, где в радиограммах «деза», а где подлинные факты. И старый друг и учитель сумел вовремя предупредить своего ученика Лидумса, что «письма» эти подложны... Том уже давно не выходит в эфир...

Теперь Лидумс знал, как укрепить свое положение. Конечно, Ребане не простит такого удара, но за спиной Лидумса отныне будут стоять Маккибин и полковник Скотт, и оба Джона — Большой и Малый, потому что Лидумс поможет им «спасти лицо», а все разведчики обожают незапятнанную репутацию...

Меж тем Силайс пытался в меру сил проанализировать провал американского шпиона Бромберга. По его словам выходило, что органы безопасности в социалистических странах так запугали своих граждан, что чуть ли не каждый третий из них стал добровольным контрразведчиком... Тут он спохватился, что переборщил: если треть населения каждой страны ищет шпионов, то как же посылать туда своих людей? На верную смерть? И немедленно повернулся на сто восемьдесят градусов.

— Но очень может быть, что Бромберг и сам совершил ошибку. Когда наши ученые разрабатывали новейшие средства радиосвязи, они предполагали, что у потенциального противника нет столь мощных пеленгаторов, которые могли бы засечь эти рации. Однако опыт Вилкса подсказывает, что органы безопасности снабжены отличными пеленгационными установками. Да иначе и не может быть — противник освоил космические полеты, управление беспилотными самолетами и радионацеливание ракет класса «земля — воздух» и «воздух — воздух», а затем ракеты континентального и глобального действия. Если учесть это, то им не так уж трудно было выследить рацию Бромберга, тем более что он, судя по количеству переданного материала, выходил в эфир чуть ли не по два раза в неделю. Следовательно, мы должны воспитывать у наших людей осторожность и еще раз осторожность в обращении с техническими средствами связи. Наши люди выучены лучше, об этом свидетельствуют и успехи Вилкса и успехи Тома, и вся деятельность группы Будриса и приданных ему наших радистов и разведчиков...

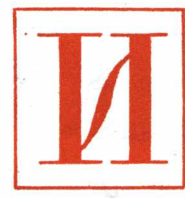
Тут Силайс умолк и торжественно опустился в кресло.

Продолжение следует.

Крест царицы Тамары,

ИЛИ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК БЫЛИ ВЫВЕЗЕНЫ И СНОВА ВОЗВРАЩЕНЫ НАРОДНЫЕ СОКРОВИЩА ГРУЗИИ

Георгий АНЗИМИРОВ

История, о которой я хочу рассказать, произошла не вчера. Одних из ее участников уже нет в живых, другие — люди, убеленные сединами, но думается, что и сегодня она не потеряла своего интереса и, если хотите, актуальности...

Итак, случай явился ко мне в образе искусствоведа Государственного музея искусств Грузинской ССР Маквалы Шаматавы. Если бы не она, я, наверное, так и не узнал бы подробности, связанные с вывозом драгоценного креста царицы Тамары и других древнейших предметов церковного обихода, феодального быта, монастырских рукописей и старопечатных книг. Одним словом, всего того, что составляет значительную часть национальных сокровищ Грузии.

Мы только что осмотрели выставку Пиросманишвили и собрались было уходить из Музея искусств, когда Маквала спросила:

— А в сокровищнице музея вы были?

И вот, оставив где-то наверху жаркий тбилисский сентябрь, мы оказались в прохладных покоях.

Мы медленно переходили от одного экспоната к другому. Великолепные произведения старинной чеканки в сочетании со знаменитой эмалью древних мастеров заставляли подолгу рассматривать каждый штрих, дошедший до нас из глубины веков.

— Сейчас вы рассматриваете крест знаменитой царицы Тамары,— объясняла Маквала.

— Которая, как демон, коварна и зла?

— Ну что вы! Вечная путаница. Хозяйка этого креста никогда не жила в ущелье Дарьяла и в пропасть никого не сбрасывала. Речь идет о знаменитой в истории Грузии царице Тамаре, правнучке царя Давида-Строителя, при дворе которой расцвел талант Шота Руставели. Как известно, только ей одной из грузинских цариц все древние памятники нашей письменности присваивают мужской титул царя — знак величайшего уважения к мудрой государственной деятельности царицы-женщины. А этот нагрудный крест — единственная из дошедших до нас вещей, лично принадлежавших Тамаре.

После этого с еще большим интересом вглядываемся в это великолепное произведение древних ювелиров. Крест червонного золота. Составлен из четырех шлифованных изумрудов, пяти крупных рубинов и шести грушевидных жемчужин.

— Тамара завещала крест,— продолжала между тем наш гид,— вместе с окладом, украшенным двадцатью драгоценными камнями, и многие другие драгоценности древнейшему в Грузии Хобскому монастырю. Там все и хранилось до тех пор, пока в один из далеко не прекрасных дней древние сокровища эти были вывезены за границу или просто-напросто похищены. Впрочем,— добавила Маквала,— более подробно обо всем, что связано с этим похищением, вы можете узнать у директора нашего музея Шалвы Ясоновича Амиранашвили.

Надо ли говорить о том, что на другой день я стучался в массивную дверь кабинета члена-корреспондента Академии наук СССР, академика Грузинской ССР Амиранашвили.

— Начало этой истории,— сказал Шалва Ясонович,— относится к февралю 1921 года. Власть в Грузии принадлежала меньшевистскому правительству, во главе которого стоял Ной Жордания. Отделившись от Советской России, его правительство ориентировалось на союзников с Запада...

Пышные празднества, льстивые речи иностранных дипломатов, иллюминация — все это должно было создать видимость процветания меньшевистской республики, скрыть от народа истинную роль, которую готовили Грузии меньшевики,— роль базы для контрреволюционного взрыва Советской власти на Кавказе.

Но часы правления Жордания, Чхеидзе и их приспешников были сочтены. Под руководством большевистских организаций Грузии народ готовился свергнуть антинародную власть. На помощь шли из Советской России красные бойцы. За несколько дней до вступления частей 11-й армии в столицу Грузии в разные концы страны — Зугдиди, Хоби, Мартвили, Гелати — были посланы верные правительству люди для изъятия из находившихся в этих местах храмов, монастырей, музеев и дворцов наиболее ценных вещей. Незваные гости в строгой тайне, под покровом ночи опустошали хранилища. Все ценности спешно отправлялись в Батуми, где меньшевики рассчитывали закрепиться с помощью Турции.

Но под ударами красных частей планы Жордания рушились, как карточные домики. Выход оставался один: бежать. И вот пароход «Ферен Жозеф Мирилли» принимает на борт горе-правителей, а с ними и тридцать девять ящиков с награбленными драгоценностями на 30 миллионов золотых рублей.

Одним из основных поводов к вывозу национальных сокровищ за границу, как утверждал Жордания, было то, что будто бы в противном случае «варвары-большевики разграбят и уничтожат исторические ценности». Однако с первого же дня установления Советской власти в Тбилиси была создана комиссия, которая взялась за собирание и возвращение на родину всех художественных и исторических коллекций. Одним из активных членов комиссии стал студент Тбилисского университета Шалва Амиранашвили.

Работая в качестве эксперта, Шалва Ясонович Амиранашвили особенно долгое время разыскивал местонахождение грузинских эмалей. Наконец их удалось найти.

Но где же сокровища, увезенные меньшевиками?

Вместе с Жордания уехал за границу известный историк и знаток грузинских древностей профессор Евфимий Семенович Такаишвили. (Шалва Ясонович познакомился с ним, слушая его лекции в Тбилисском университете, одним из основателей которого был Такаишвили.) Не может ли профессор прояснить вопрос о древних ценностях, узнать, какова их дальнейшая судьба?

Ответное письмо Такаишвили пришло быстро. Профессор сообщал, что решением Учредительного собрания и духовенства он назначен хранителем всех вывезенных ценностей, что в настоящее время они хранятся в надежном месте и в хороших условиях. В конце письма профессор Такаишвили выражал уверенность, что настанет время, когда все вывезенное меньшевистским правительством будет возвращено родине...

Каким долгим и трудным оказался путь к этому дню!

Следующее письмо от профессора Такаишвили пришло в Тбилиси спустя двенадцать лет, в 1935 году. Горестные вести принесло оно.

Оказалось, что, прибыв в Марсель, меньшевики сдали вывезенные ценности на хранение в Марсельское отделение французского банка.

Увы, за хранение вещей, сданных в банк, надо платить. А для этого требовались деньги, и немалые. Меньшевистское же правительство заплатило только за один год.

Французский банк в течение тринадцати лет не напоминал незадачливым вкладчикам ценностей о необходимости платить за хранение их вещей. По истечении этого срока банковский чиновник вручил хозяевам ящиков повестку в суд. Надо платить все сполна или... Судебный процесс, как и следовало ожидать, эмигранты проиграли. Таким образом, все ценности, вывезенные ими из Грузии, были конфискованы в пользу банка.

* * *

Совершенно неожиданно история этих, казалось бы, навсегда утраченных драгоценностей получила продолжение зимой 1944 года.

В декабре последней военной зимы Ш. Я. Амиранашвили приехал в Москву на годичную сессию Академии наук СССР. Здесь он написал письмо в правительство.

Строчки полились одна за другой, и вместе с ними вставала перед Шалвой Ясоновичем его молодость, студенческие годы, работа в комиссии по собиранию произведений древнего искусства, ленинское постановление о возвращении Грузии ее древних музейных и архивных коллекций.

«Лично И. В. Сталину» — написал он на конверте, в который вложил письмо.

Письмо попало по назначению. Непосредственным результатом этого была телеграмма из Москвы, полученная тогдашним советским послом во Франции Александром Ефремовичем Богомоловым. Послу надлежало узнать, действительно ли во Франции хранятся грузинские музейные памятники, вывезенные меньшевистским правительством в 1921 году. Подивившись в душе неожиданному запросу, посол, однако (на одном из приемов), завел на эту тему разговор с генералом де Голлем.

— Сокровища из Грузии? — удивился де Голль.— Ничего об этом не слышал. Но мне понятен интерес Сталина.

И, обратившись к своему секретарю, попросил выяснить, не знают ли что-либо о грузинских сокровищах в государственном банке.

Скоро секретарь вернулся:

— В государственном банке ничего не известно об этих ценностях.

Рассказывая об этом разговоре с де Голлем, Александр Ефремович Богомолов добавил, что, когда он прощался с главой правительства, тот пообещал держать посла в курсе всех дел, касающихся затронутого вопроса.

— И действительно,— продолжал свой рассказ Александр Ефремович,— через несколько дней я получил приглашение от де Голля. Едва переступил порог его кабинета, как он приветствовал меня словами: «Нашли ваши драгоценности. Вот опись всего, что у нас есть. Но должен вас огорчить,— добавил генерал,— на все эти вещи наложен арест, и даже я не вправе снять его. Грузинские коллекции — собственность Французского коммерческого банка. Переговоры теперь надо вести непосредственно с ним».

Отправив опись, полученную от де Голля, в Москву, посол стал ждать дальнейших указаний. И они не замедлили прийти. Посла просили выяснить: как можно получить коллекции у коммерческого банка?

И вот в советское посольство прибыл представитель банка. Его первоначальный ответ на вопрос посла был предельно короток: надо заплатить!

— За что? — спросил посол.

— За хранение драгоценностей бывшего грузинского правительства.

— А не кажется ли вам, мосье,— спросил посол,— что когда политические преступники насильственным путем увозят национальные ценности народа, то тот, кто укрывает эти вещи, укрывает краденое?

— Но, господин посол, поймите,— сменил тон чиновник из коммерческого банка,— все драгоценности числятся у нас на балансе, и мы в ответе за него перед нашими вкладчиками. Для того, чтобы вернуть вам эти вещи, необходимо специальное соглашение между нашим банком и французским правительством.

— А еще через несколько дней,— закончил свой рассказ Александр Ефремович,— генерал де Голль сказал мне: «Сообщите Сталину, чтобы он прислал комиссию для приема драгоценностей».

Опять передаю слово академику Шалве Ясоновичу Амиранашвили, который входил в комиссию, принимавшую народные сокровища.

— К моменту нашего приезда в Париж,— вспоминает Шалва Ясонович,— все грузинские музейные ценности по распоряжению главы правительства Франции де Голля уже были переданы посольству СССР. Работа у меня была напряженная. Прежде всего я сверил наличие всех коллекций по имевшимся у меня спискам, составленным еще в 1921 году. Выяснилось, что все в целости и сохранности.

Наконец настал долгожданный день: 5 апреля 1945 года мы вылетели из Парижа на Родину. И вот три специальных самолета с бесценным грузом приземлились на Тбилисском аэродроме.

* * *

...Нескончаемо течет по залам Музея искусств Грузии людской поток. Вместе со всеми я снова и снова вглядываюсь в уникальные золотые изделия Ахалгорийского клада, которые датируются V веком до нашей эры, в художественные изделия из Саргвеши, Ксани, Степан-Цминда, разглядываю чеканные оклады Цкароставрского евангелия работы знаменитого мастера Беки Опизари, долго не могу отойти от уникальных древнегрузинских пергаментных рукописей — синаксария, переписанного в 1035 году в Константинополе и иллюстрированного 78 миниатюрами, Алавердского евангелия, переписанного в 1054 году Иоанном Двали, и, наконец, снова подхожу к чуду ювелирного искусства — нагрудному кресту царицы Тамары...

И невольно думается о неизбывной силе таланта народного. Таланта, который не страшится ни времени, ни войн, ни иных бедствий и который никогда не оторвать от благодатной почвы Родины.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Думаю, что одноактному балету «Жаклин», поставленному балетмейстерами заслуженным артистом РСФСР А. А. Лапаури и О. Г. Тарасовой на музыку Ф. Пуленка в Московском академическом музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, можно смело предсказать долгую сценическую жизнь. Премьера, состоявшаяся в октябре этого года, показала, что его создатели сумели сделать главное — найти оригинальное, современное пластическое решение избранной темы, полностью раскрыть эмоциональную насыщенность музыки Ф. Пуленка. «Концерт для органа, струнного оркестра и литавр», написанный в 1940 году, и поэзия известного французского поэта-антифашиста Поля Элюара вдохновили постановщиков на создание хореографической поэмы о судьбе женщины, чью любовь и молодость отняла война.

Хореографический язык «Жаклин» настолько выразителен и точен, что у зрителя ни разу не возникает чувства непонимания того, что происходит на сцене. Это тем более ценно, что балет решен не в плане абстрактном: его герои — реальные люди, они представители совершенно конкретной нации, совершенно конкретного времени. И эта конкретность еще больше обогащает танец. Казалось бы, незначительные штрихи — движения, характерные для народного французского танца фарандолы,— наполняют ансамблевый танец в балете большим смысловым звучанием. В «Жаклин» почти отсутствуют статичные положения актеров, чистая пантомима (в узком понимании этого слова) — все чувства героев, все их действия выражены средствами танца.

Первое появление Жаклин — резкие повороты, взмывающие вверх в немом крике отчаяния руки сменяются мягкими, легкими движениями, когда воспоминания переносят ее в далекие годы юности, когда рядом с ней появляется любимый. Образ Жаклин задуман постановщиками интересно, своеобразно. Она героиня произведения, но в то же время ее свободолюбие, преданность, женственность — это как бы постоянный фон, на котором вырисовывается фигура Андре — мужественного борца-антифашиста.

Жаклин всегда рядом с любимым. «Дай руку мне!» — робким жестом просит ее Андре, когда они, юные, беззаботные, встретили друг друга, когда они только еще предчувствуют рождение любви. «Дай руку мне!» — уверенно говорит вожак молодых французских антифашистов возлюбленной, когда на площади вместе с друзьями они клянутся в верности своей родине. «Дай руку мне!» — мужественно и нежно обращается он к Жаклин, когда любовь сделала их самыми близкими на свете, родными друг другу людьми. «Дай руку мне...». Еле различима эта просьба, когда, смертельно раненный, он умирает на руках любимой... И вдруг снова поднимается как символ бессмертия подвига и бессмертия их любви.

Пожалуй, самой ценной находкой балетмейстеров и в смысловом и в графическом отношении можно считать любовный дуэт Жаклин и Андре. Герои танцуют, как бы разделенные невидимой стеной. Ведь Андре лишь в воображении Жаклин вновь рядом с ней. Это реальные воспоминания, где видимая разъединенность героев создает предчувствие будущей трагедии. Полное отсутствие пластической эротики, тончайший лиризм в изображении глубокой любовной страстности героев делают эпизод самым волнующим и запоминающимся.

Общеизвестно, что любой, самый интересный замысел, недостаточно полно и талантливо воплощенный, так и остается всего лишь замыслом. Постановщикам «Жаклин» в этом отношении повезло: исполнители главных ролей — народная артистка РСФСР В. Бовт и артист В. Тедеев, все артисты балета театра, занятые в спектакле, показали новую работу с большим профессиональным мастерством и душевным подъемом. Законченность художественному облику спектакля придает прекрасное оформление балета известным театральным художником М. Г. Чиковани.

О. САХАРОВА

1

5

6

7.

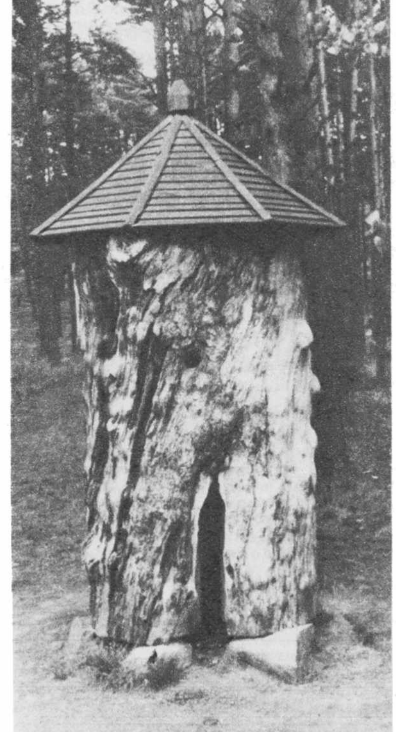

ИЗОЧАЙНВОРД „ХОККЕЙ"

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник В. Тильман.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы, будут опубликованы в журнале.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСНА

Недалеко от Риги, на живописном берегу озера Югла, находится этнографический музей Латвии. На площади около 100 гектаров размещены многочисленные экспонаты, отражающие жизнь, культуру, быт латышского народа.

Среди экспонатов привлекает внимание посетителей ствол 370-летней сосны. Дерево росло вблизи усадьбы Заускас у дороги Смилтене — Валмиера.

С 1914 года сосна стала сохнуть. В 1959 году выпилили ствол длиной около двух метров и перевезли в музей. От дождя и снега его оберегает крыша.

В. ПОЛЯНСКИЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ «МОСКВИЧ»

Машина трогается с места, и в салоне «Москвича» звучат записанные на магнитофонную пленку песни популярных исполнителей.

Хозяин музыкальной машины ереванец Р. А. Потикян — страстный радиолюбитель. Миниатюрный магнитофон, сконструированный Р. Потикяном, установлен в отсеке приборной панели машины.

Р. ШАХНАЗАРЯН

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Цветок. 7. Государство в Африке. 8. Русский землепроходец. 9. Столица союзной республики. 11. Рыба со змеевидным телом. 14. Прямая, соединяющая две точки кривой. 17. Духовой инструмент. 20. Город в Польше. 21. Экваториальное созвездие. 22. Приток Колымы. 23. Гуцульский танец. 25. Настольная игра. 27. Актер, снимавшийся в фильме «Путевка в жизнь». 32. Немецкий физик. 33. Советский скульптор. 34. Горизонтальная опора для детали или механизма, прикрепленная к вертикальной поверхности.

По вертикали: 1. Драма Бальзака. 2. Озеро в Прикаспийской низменности. 3. Атмосферное явление. 4. Жанр народного поэтического творчества. 5. Питательный напиток. 6. Река в СССР. 10. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 12. Быстроходное судно. 13. Круглое сооружение с куполом. 15. Японский остров. 16. Чешский композитор. 18. Народный писатель Латвийской ССР. 19. Действующее лицо оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы». 24. Резной камень. 26. Черта, линия. 28. Растворитель лаков. 29. Овощное растение. 30. Поперечные нити ткани. 31. Химический элемент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ № 43

По горизонтали: 3. Деепричастие. 7. Геродот. 8. Акватория. 12. Андижан. 13. Парк. 15. Теорема. 16. Ядро. 17. Афганистан. 18. Осип. 19. Дрезден. 21. Ария. 23. Стрелец. 26. Почтальон. 27. Вазелин. 28. Астронавтика.

По вертикали: 1. «Спартак». 2. Эстрада. 4. «Иоланта». 5. «Бородино». 6. Пример. 7. Гренадерка. 9. Комбинезон. 10. Лазарев. 11. «Беднота». 13. Праща. 14. Кисея. 18. Ожерелье. 20. Золото. 22. Имандра. 24. Сальери. 25. Известь.

2

3

4

9

8

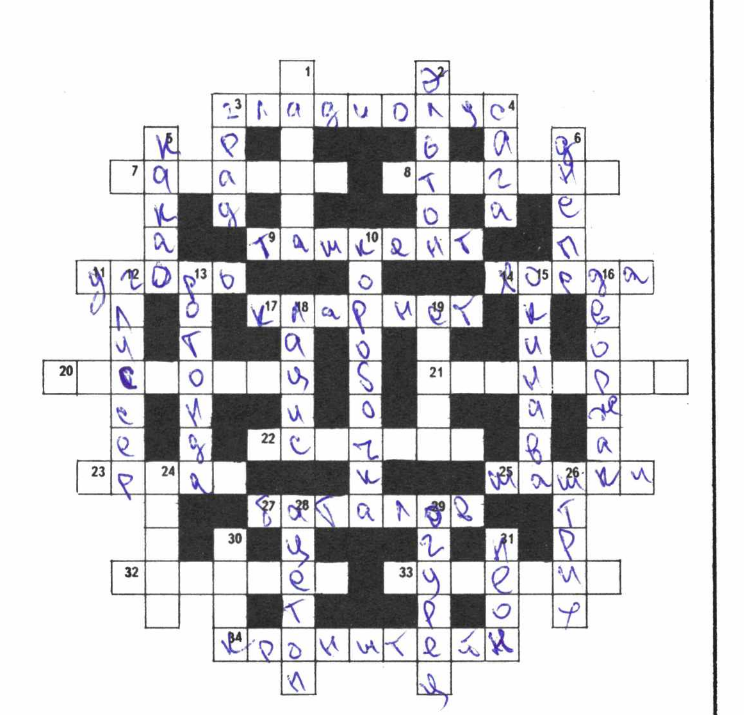
10

ОТВЕТЫ НА ИЗОЧАЙНВОРД «ШКОЛЬНЫЙ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

1. Педагог. 2. Галоп. 3. Подсказка. 4. Азбука. 5. Автограф. 6. Флюс. 7. Силач. 8. Чистописание. 9. Ералаш. 10. Шпаргалка.

ПЕРВЫМИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ ПРИСЛАЛИ:

В. М. Титов, А. В. Лядов, Г. Д. Перминов, А. Шор, П. Г. Сухомлинов, В. И. Абельмазов, В. Шурунов, Н. А. Ионов, семья Андреевых, П. Т. Игонина, К. И. Соколова, В. И. Лихачев, В. В. Чабин, Г. Г. Гарифуллин, Х. П. Метакса, Н. А. Елисеенко, Л. Г. и Н. Н. Скляровы, А. Николаевский, В. Ядренов, Д. И. Постельник.

На последней странице обложки: Над створом строящейся плотины Токтогульской ГЭС скалолазы-монтажники укрепляют защитную сетку.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00433. Сдано в набор 14/X-69 г. Подп. к печ. 28/X-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 2063. Заказ № 2877.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.